

ГРАНДМАСТЕР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРИллЕРА

ДОТ
ХАТЧИСОН

ДЕНЬ ВСЕХ
ПРОПАВШИХ

Коллекционер

Дот Хатчисон

День всех пропавших

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хатчисон Д.

День всех пропавших / Д. Хатчисон — «Эксмо»,
2019 — (Коллекционер)

ISBN 978-5-04-109896-4

Окончание серии «Коллекционер», начавшейся с бестселлера «Сад бабочек». Этот роман буквально взорвал рейтинги «Амазона», поставив его автора в один ряд с такими мастерами жанра, как Томас Харрис, Джон Фаулз и Дэвид Болдаччи. Когда на Хэллоуин бесследно исчезла восьмилетняя Бруклин Мерсер, дело было немедленно передано в спецотдел ФБР, занимающийся преступлениями против детей. Агента Элизу Стерлинг, участвующую в расследовании, сперва поразила реакция людей, знавших девочку. Оказывается, сама Элиза и маленькая Бруклин похожи друг на друга, как мать и дочь... Но удивление быстро сменил ужас. Стерлинг вспомнила: точно так же, как две капли воды, она оказалась похожа на сестренку своего коллеги Брэндона, пропавшую много лет назад в это же самое время! И ей тоже было восемь...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-109896-4

© Хатчисон Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дот Хатчисон

День всех пропавших

Dot Hutchison

THE VANISHING SEASON

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

– Элиза, помоги мне разобраться.

Я смотрю на Касс.

– С чем?

– Какие отношения у Мерседес с подсолнухами?

Третий участник нашей команды перестает теревить и менять местами стоящие в вазе на шкафу с картотекой подсолнухи; затем поворачивается к моему столу. Там сидим мы с Касс.

– Касс, ты уже сто лет как знаешь меня – и никогда не приходило в голову поинтересоваться?

Та пожимает плечами, однако – как и при большинстве ее движений – колышется всем телом. Даже стул, на котором расположились наши ноги, сдвигается с места.

– Наверное, я никогда не считала этот вопрос достойным внимания.

– А теперь считаешь?

– Нет. Но сейчас мне скучно, а у тебя свежий букет подсолнухов...

Перестаю их слушать – они ведут себя так столько, сколько я их знаю, и даже дольше – и смотрю на время на телефоне. Затем – на пустой стол рядом с нашим. Брэн опаздывает.

Брэн *никогда* не опаздывает. С маниакальным упорством он везде и всегда появляется заранее.

– Мне нравятся подсолнухи, потому что они всегда тянутся к солнцу.

– Ох уж эти твои метафоры...

Если честно, то я жду Брэна не потому, что так уж беспокоюсь о нем, а потому что хочу, чтобы с его появлением прекратились дружеские пререкания. Кассондра Кирни и Мерседес Рамирес познакомились лет тринадцать назад в Академии ФБР. Обе поступили в отдел, расследующий преступления против детей¹. До недавнего времени они работали в разных командах, однако чуть меньше года назад весь отдел реорганизовали с учетом возросшей всеобщей нагрузки, и глава нашей команды Вик Хановериан решил, что нам пригодится четвертый участник. Он перевел к нам Касс, которую два года назад уже одалживали нам на одно адски сложное и сугубо приватное дело². Как сообщил Вик, из всех живущих в Куантико³ сотрудников САС она лучше всех подходит нашей команде по темпераменту. На протяжении своего короткого спича шеф явно сдерживал смех. Мы, несомненно, ходим в любимчиках у Вика – в основном потому, что Брэн и Мерседес были его напарниками до того, как его повысили в звании. Однако тот факт, что он нас любит, не означает, что ему не нравится подшучивать над нами. Точнее, над Брэном. Тот и так находился в меньшинстве, когда у него в напарниках были только я и Мерседес. С учетом Касс ситуация становится безнадежной.

– Элиза? Элиза!

От тычка локтя Касс в мой бок я вздрагиваю.

– Что?

– О чем ты думаешь?

– О чем я думаю? Я думаю... о том... о том, на что мне следовало обратить внимание?

Обе хихикают. Мерседес, впрочем, качает головой.

– Стерлинг, это называется «умение оценивать ситуацию». Попробуй попрактиковаться на досуге.

– Так о чем мне надо думать? – спрашиваю я, не достаивая ответом предыдущую фразу.

---

¹ Сокращенно САС. – Здесь и далее прим. пер.

² Об этом рассказывается в романе Д. Хатчисон «Дети лета».

³ Город, рядом с которым находится Академия ФБР.

- Подсолнух ли Мерседес? – повторяет вопрос Касс.
- Знаешь, именно от таких бесед ему снятся кошмары.

Они оглядываются на стол Брэна и раздражаются смехом. Уточнять, кто имеется в виду, не требуется. Приятно видеть такое взаимопонимание в команде, пусть порой оно и слегка пугает. Когда я окончила академию, меня отослали обратно в Колорадо в денверское отделение. Моя мать испытала облегчение: раз уж мне обязательно надо заниматься опасной, не приличествующей женщине профессией, по крайней мере, я нахожусь в пределах досягаемости и она может пилить меня при встречах лицом к лицу. Я же испытала легкое разочарование. Мне хотелось побывать в новых местах и провести там побольше времени, чем семнадцать недель в академии. Затем года четыре назад мне предложили перевестись в эту команду. Вскоре мы все привыкли.

- Его сумка здесь, – замечает Мерседес. – Посмотри – вон, видна из-за стола.

Гм. Действительно.

- Он с Виком?

- Или с Ивонной, если что-то пошло не так и она по-прежнему занята добычей данных.

Она у себя в кабинете?

Я и Касс подходим к кабинету Ивонны, но дверь заперта, а из-за отсутствия окон невозможно понять, находится ли технический аналитик команды все еще там или нет.

- Скажи-ка, Элиза, ты еще не вывесила фото своего платья на «Крейгслист»?⁴ – спрашивает Касс. – Если я дам тебе вилку, поиграешься с розеткой? – Она усмехается. Она упорная.

Прежде чем одна из них успевает предложить сделать еще что-нибудь с моим так-никогда-и-не-использованным свадебным платьем, ведущая в кабинет Вика дверь – она находится у пандуса, который ведет к расположенному на пол-этажа выше конференц-залу, – открывается. Вик выходит наружу и облакачивается на перила.

- Доброе утро, дамы.

- Доброе утро, Чарли, – отвечаем хором втроем. Обычно он улыбается и просит прибереечь все это для Эддисона. Сегодня же...

- У вас появилось дело местного масштаба. Ричмонд.

Переглядываемся, затем вновь поворачиваемся к нему. Мерседес озвучивает наши мысли:

- Итак?

- Эддисон присоединится к вам в машине. Команда Уотс уже берется за дело, но вы будете работать с ними.

Отсутствие Эддисона – Брэна – внезапно предстает в новом, тревожном свете.

- Это киднэппинг, верно? – спрашиваю я. – Маленькая девочка?

- Ивонн вышлет вам файлы в течение минуты. Сейчас дописывает последние подробности.

Это значит «да», но Вик не хочет, чтобы другие сплетничали на этот счет.

Я выскальзываю из-за стола – Касс выпрыгивает, потому что ей не хватает роста, чтобы изящно выскользнуть, – и меньше чем за полминуты мы собираемся. Дело локальное, так что нам не понадобятся дорожные сумки. Без курток не обойтись – здравствуй, конец октября. Мы стараемся не брать на выезд сумочки: оставлять их в машине – не лучший вариант. Поэтому то, что не прицепить на пояс, распихивается по карманам брюк и курток, пока те не раздуваются, словно щеки бурундука.

В лифте наши планшеты пищат: файлы пришли. Открываю свой.

- Бруклин Мерсер, – читаю вслух. – Белая, возраст восемь лет, светлые волосы, голубые глаза. Пропала... вчера.

---

⁴ Популярный в США сайт объявлений.

- Вчера? – взвизгивает Касс. – И они обратились к нам только сейчас?
- Пропала... о черт... после полудня по пути из школы домой.
- *Mierda*⁵.

Протягиваю руку и нажимаю кнопку «стоп». Лифт вздрагивает и замирает.

- Как всегда в лифте, – задумчиво произносит Мерседес. – Стерлинг?
- Сейчас... минутку.

Провожу ладонью по голове – удостовериться, что волосы по-прежнему собраны в плотный, даже жесткий пучок.

Пятого ноября – всего через полторы недели – будет двадцать пятая годовщина того дня, когда восьмилетняя светловолосая и голубоглазая Фейт Эддисон пропала по пути из школы домой, и больше ее не видели⁶. Брэн посмотрит на фото Бруклин Мерсер, и какая-то его частичка неизбежно увидит в ней свою сестру. В такое время года, с таким делом на руках я не могу не задаваться вопросом, когда он перестал видеть Фейт во мне.

И перестал ли, когда мы начали встречаться три года назад.

Отпускаю кнопку, и лифт снова приходит в движение.

– Похоже, теперь мы знаем, почему дело поручили в первую очередь Уоттс, – вздыхаю я. – Мне с Эддисоном доверяют только ерунду. Я бы погрузилась в дело слишком глубоко, а он слишком эмоционально связан с ним.

Мерседес слегка пинает мою ногу.

– Вик не поручил бы его нам, если б они с Эддисоном оба не были уверены, что Брэн справится. Мы его поддержим.

Касс кивает.

– У него есть мы, а Уоттс не позволит ему уйти слишком далеко. В общем, посмотрим. Иногда люди осознают пределы своих возможностей, только лишь переступив их.

---

⁵ Дерьмо (исп.).

⁶ Об этом рассказывается в романе Д. Хатчисон «Розы мая».

Глава 2

Как и сказал Вик, Эддисон ждет нас в автомобиле. Он – Брэн, когда не на службе, когда он мой бойфренд. Но сейчас, когда у нас появилось дело, он – Эддисон, как и Касс и Мерседес, ставшие Кирни и Рамирес; Эддисон – Чарли для наших ангелов, причем весьма разозленный на весь треклятый мир.

Такое состояние для него не то чтобы непривычно. Он управляет своим гневом, изо всех сил старается не выплескивать его, кроме тех случаев, когда это уместно или может принести пользу. Однако где-то внутри его таится ярость. Таится гораздо дольше, чем мы знаем Брэна, – по словам его матери, уже четверть века: нетрудно связать эту дату с Фейт.

Он уже сидит во внедорожнике на водительском месте, стиснув руль так, что костяшки пальцев побелели. Радио не приглушено, а выключено. Я взбираюсь на переднее пассажирское сиденье, Кирни и Рамирес садятся сзади. Кирни – единственная, кто может с комфортом разместиться за Эддисоном в силу своего малого роста.

На полпути с парковки появляется команда Уоттс на двух черных внедорожниках, идентичных нашему. Вообще-то они – бывшая команда Касс; это наше первое с ними совместное дело с тех пор, как Касс перешла к нам. Эддисон позволяет им выдвинуться вперед и проехать первыми по всем уровням парковки, а сам оказывается сзади. Наша мини-кавалькада направляется в Ричмонд. Несколько минут внутри машины царит неловкая тишина.

Снова открываю планшет и откашливаюсь:

– Бруклин Мерсер. Она с соседской девочкой обычно возвращается домой из школы в компании старшего брата соседки.

Рука Эддисона так сильно сжимает руль, что одна из костяшек хрустит от напряжения.

Секунду спустя я продолжаю:

– Брат – Дэниел – вчера отправился на экскурсию и, как и ожидалось, вернется в школу не раньше вечера. Его сестра Ребекка заболела и ушла домой до обеда. Были планы забрать Бруклин после школы, но по каким-то причинам не сложилось. Нам придется выяснить, что произошло.

– А ее родители? – спрашивает Эддисон напряженным тоном.

– Оба на работе. Обычно Бруклин или остается у Ребекки, пока не возвращается кто-то из родителей, или закрывается дома. На дверях цепочки, так что никто не может просто взять и войти, когда она там одна.

– Когда они заметили ее исчезновение? – спрашивает с заднего сиденья Кирни.

– В восемь часов. Родители вернулись поздно и осознали, что ни один из них не встретил Бруклин. Заглянули к соседям, но и там ее не было.

– Когда они обратились в полицию?

– В девять тридцать. Сначала искали сами – прошли от дома до школы на тот случай, если она упала по дороге или, может быть, просто осталась в школе. – Вглядываюсь в экран и увеличиваю изображение отсканированных каракулей полицейского офицера. – Они позволили в школу по номеру экстренного вызова и связались с директором. Директор вместе с сотрудником из отдела кадров осматривают школьные здания и территорию каждый раз перед уходом, и они ее не видели.

– Есть братья или сестры?

– Единственный ребенок в семье. Пришла толпа полицейских, начали поиски, вместе с родственниками осмотрели окрестные дома. Разослали фото Бруклин по больницам, пожарным частям, торговым центрам и новостным каналам.

Рамирес нажимает на заметку на своем экране:

– До Ричмонда всего полтора часа; почему никому из нас не пришло оповещение «Амбер Алерт»?⁷

– Хм-м-м... – Я пролистываю немногочисленные страницы файла.

– Оповещения не всегда рассылают повсеместно, если нет оснований полагать, что дело выходит за местные рамки, – отвечает Эддисон.

– Вообще-то, – замечаю я, борясь с ремнем безопасности, чтобы повернуться и лучше видеть своих трех спутников, – судя по всему, «Амбер» вообще не запускали. Нет ни подозреваемых лиц, ни машин, так что критерии запуска системы оповещений не выполнены. Слишком мало доступной информации, чтобы общественность могла помочь с идентификацией.

– Они звонили в NCMEC?⁸ – спрашивает Рамирес.

– Да, а также в NCIC⁹ и в VCIN¹⁰, но не ранее как этим утром. Похоже, капитан дневной смены пришел сегодня спозаранку и поднял шум.

Уголком глаза я заметила, как Кирни открывает рот, бросает взгляд на водительское место и проглатывает то, что собиралась сказать. Если у нее на языке вертелось что-то схожее с роящимися сейчас у меня в голове мыслями, то речь о том, что полиции Ричмонда стоило бы изменить отношение к протоколированию дел о пропаже детей. Вряд ли родственники знают, что всегда стоит обращаться в полицию до начала самостоятельных поисков. Лучше вызвать у полицейских раздражение ложной тревогой, чем сообщить о пропаже ребенка спустя несколько часов после происшествия. Но большинство инстинктивно предпочитает не беспокоить полицию, пока окончательно не станет ясно, что дела плохи. То, что Мерсеры обратились в полицию спустя полтора часа, не так уж и скверно. По крайней мере, прошло всего полтора часа.

Также родственники вряд ли знают, что после полиции следует позвонить в Национальный центр по делам пропавших и эксплуатируемых детей. После первого звонка именно полицейские должны послать запросы в Криминальную информационную сеть Вирджинии и в Национальный информационный центр преступности, однако родственники должны сами обратиться в NCMEC. Чем быстрее распространится по сетям описание внешности ребенка и подробности пропажи, тем выше шанс найти его.

Бруклин отсутствовала более двенадцати часов, прежде чем кто-то додумался распространить информацию о ее исчезновении за пределы Ричмонда. Полицейская ночная смена сильно облажалась.

– Есть ли какие-то признаки, что она заходила домой? – спрашивает Кирни.

– Никаких. Ранца нет, записка от матери по-прежнему лежит на полке, обед по-прежнему в холодильнике. И ничто не указывает на попытки взлома дверей или окон. Письма так и лежат в почтовом ящике у конца подъездной дорожки. Видимо, девочка обычно забирает письма, когда подходит к дому.

Большие пальцы Эддисона нервно барабают по рулю.

– В этом квартале живут преступники, состоящие на учете?

– Пока точно не знаю. Ивонн получила информацию, что их тут зарегистрировано немало, однако сортировка по видам преступлений займет какое-то время.

Статус секс-преступника можно получить много за что – начиная с отвратительного и агрессивного поведения и заканчивая пьяными глупостями. Когда люди узнают, что их сосед числится в секс-преступниках, они склонны сразу предполагать худшее, что становится проблематичным в делах вроде нашего. Время, потерянное на убеждение местных жителей, что

---

⁷ Американская система оповещений о похищении детей.

⁸ Национальный центр по делам пропавших и эксплуатируемых детей.

⁹ Национальный информационный центр преступности.

¹⁰ Криминальная информационная сеть Вирджинии.

человек, пьяным мочившийся на улице у всех на виду, скорее всего, не является похитителем детей, – это то время, которое следовало бы потратить на поиски ребенка.

– Ее родители настоящие, биологические? – спрашивает Рамирес.

– Да. Никто из них раньше не состоял в браке, и они по-прежнему женаты и живут вместе.

Если бы Бруклин удочерили или взяли под опеку или же один из родителей оказался приемным, а другой биологический родитель жил отдельно, тогда у нас были бы отправные точки для расследования. Все мы держим в памяти контрольный список; задавая очевидные вопросы, выясняем, что известно, а что нет и какие гипотезы можно сразу отбросить.

Эддисон ненадолго отпускает руль, чтобы поменять настройки кондиционера. Глупо это или нет, но мы сидим в куртках, так что режим нагрева ни к чему.

– Есть какие-то ниточки к другим делам?

– Очевидных – никаких. Немногочисленные незакрытые дела о пропавших детях в Ричмонде, в основном давние. Предположительно убежавшие сами плюс два похищения родителем. Только два случая, промаркированные как вероятное похищение незнакомцем, многомесячной давности. Пятнадцатилетняя девушка и шестилетний мальчик.

– Связь между возрастом похищенных не прослеживается, – замечает Кирни.

– Как и внешность. Мальчик – негр, девушка – латиноамериканка. Из разных частей города, разных школ, разных социальных кругов. Ничего общего друг с другом. Ивонн сейчас сравнивает оба дела с делом Мерсер, просто на всякий случай.

– Что тут за квартал? – спрашивает Рамирес. На ее планшете открыта карта Ричмонда.

– Похоже, довольно солидный средний класс, – отвечаю я. – В основном семьи, с детьми и без. Дворы, подъездные дорожки, личные почтовые ящики, постоянное уличное и дорожное освещение. Цены на жилье довольно высоки и по карману разве что объединениям домовладельцев – в основном для того, чтобы ограничивать число студентов-арендаторов. Должно быть, проблемы с тревожной кнопкой, поскольку это отражено в рапорте офицера. Есть несколько мам-домохозяек и один папа, но в основном работающие супруги или родители-одиночки. Плюс пару домов снимают студенческие компашки.

– У Мерсеров есть домашние животные?

– Две кошки, обе официально зарегистрированы. Мы проверим местные зоомагазины и приюты для животных: были ли в последнее время какие-то необычные покупатели.

Кирни вписывает замечание в свою версию файла.

– Бруклин из тех детей, кого можно заманить домашним питомцем?

– Не знаю, придется расспросить.

Остаток пути мы препарируем скудных объемов файл, обмениваясь вопросами. Кирни записывает те, на которые мы не можем дать ответ, а таких большинство. За несколько минут до прибытия в пункт назначения звонит Уоттс – на мой рабочий телефон, а не эддисоновский. Эддисон в машине – это, за редчайшими исключениями, Эддисон-водитель, потому что пассажир из него ужасный. Включаю блютуз-соединение:

– Стерлинг слушает.

– К заданию готовы? – спрашивает Уоттс. Голос искажается динамиками автомобиля.

– Да, мэм.

– О господи, Стерлинг, не называй меня «мэм». Рамирес, останешься с родственниками пропавшей. Из участников обеих команд ты лучше всех подходишь для этого. Не отходи от них, сосредоточь их внимание на себе, объясни, чем занимаются остальные. Приложи все усилия, чтобы они сохраняли спокойствие или, по крайней мере, не совершали ничего необдуманного. Эддисон, не забывай, пожалуйста, что это приказы Вика, не мои.

Губы Эддисона дергаются. В не столь скверный день это могло бы выглядеть как ухмылка.

– Понял. А мне чем заняться?

– Ты по-прежнему второй по старшинству в команде, так что тебе следует поговорить с капитаном дневной смены и с начальником полиции штата. Затем будешь помогать Стерлинг. Стерлинг, вы с Кирни начнете с опроса соседей, у которых Бруклин обычно остается после школы. После этого ты, Кирни, вместе с Бернсайдом осмотрите стройплощадку: за соседними домами возводится какая-то пристройка. С вами пойдут несколько местных копов. Стерлинг, Эддисон, – осмотрите квартал, потом зайдите в школу. Отметьте на карте маршрут Бруклин, затем побеседуйте со школьной администрацией и учителями девочки. Постовые утром не на дежурстве, но после полудня начнется их смена, так что вы успеете поговорить с ними, прежде чем они уйдут на посты.

– Поняла, – отвечаю я.

– Знаешь, Стерлинг, о чем я тебя попрошу?

– Не показываться на глаза Мерсерам?

– Да уж, постарайся. Миссис Мерсер в истерике, ее муж чувствует себя немногим лучше. Не берись судить, насколько ты похожа на других голубоглазых блондинок, но конкретно на их дочь – весьма.

Рассматриваю фото Бруклин на своем планшете, затем переворачиваю солнцезащитный козырек в салоне авто и смотрюсь в зеркало. Уоттс права.

Это одна из тех ситуаций, с которыми я совершенно не ожидала столкнуться, принимая решение поступить на службу в ФБР. Да, меня волновала моя внешность, но дело в том, что я выгляжу очень молодо из-за светлых волос и милостивого личика. Только год или два назад люди перестали задавать вопрос «сегодня что – день, когда приводят на работу дочек?», когда я вхожу в отделение. Несмотря на то что у меня есть фирменный значок и кобура с пистолетом. Я беспокоилась, воспримут ли меня всерьез, если придется с трудом уговаривать людей слушать меня, отвечать на вопросы и подчиняться приказам. Потому я составила для себя список правил поведения на работе и с тех пор безукоризненно придерживалась их.

Одеваться в черное и белое – строгие, суровые тона, ничего девчачьего или легкомысленного.

Собирать волосы в пучок или твист¹¹ – тоже строгий и суровый и не настолько высокий, чтобы его перепутали с прической балерины.

Минимум косметики – ровно столько, чтобы выглядеть профессионально и чтобы это не казалось перебором или получением удовольствия от макияжа. (Вообще-то мне нравится макияж. Обожаю тени. И помаду. И блеск для губ. Полочки моего туалетного столика выглядят как филиал «Сефоры»¹².)

Оглядываясь назад, я должна признать, что чересчур беспокоилась на этот счет. Даже когда мои гардероб и стиль начали меняться, поскольку, благодаря великолепному примеру Рамирес и других старших агентов-женщин, я стала свыкаться с тем, что выглядеть женственной не так уж страшно, – все равно не перестаю думать об этом.

Раньше меня беспокоило только то, что я выгляжу слишком молодо. Мне и в голову не приходило, что я окажусь настолько похожа на пропавшую девочку и это вызовет у родственников болезненные чувства. Затем я приехала в Куантико, узнала про Фейт Эддисон, увидела фотографии и заметила, что ее родителям при виде меня пришлось сделать глубокий вдох, чтобы вновь обрести дар речи. Фейт была светловолосой голубоглазой девочкой. Возможно, со временем ее волосы потемнели бы и она перестала походить на меня. Но предполагать – это одно, и совсем другое – видеть своего сына, держащего за руку женщину с такими же волосами, как у вашего пропавшего ребенка, и всего на три года младше, чем была бы сейчас ваша дочь.

---

¹¹ Вид укладки волос.

¹² Сеть парфюмерно-косметических магазинов.

Никогда всерьез не задавалась вопросом, почему с начала наших с Брэном свиданий до встречи с его родителями прошло столько времени. Фото на шкафу в его рабочем кабинете стало для меня тревожным сигналом.

Когда мы въезжаем на улицу Мерсеров, переворачиваю козырек обратно. Там собрался целый зверинец. Повсюду припаркованы полицейские машины с опознавательными знаками и без. Возле домов и по улице слоняются соседи, друзья, родственники потерпевших и совершенно незнакомые люди. Везде, где только получается не вторгаться в частные владения, стоят фургончики репортеров и ошиваются сами репортеры. Лимонадный киоск возле одного дома переделан в стойку регистрации волонтеров для поисков.

– Черт возьми, – вздыхает Рамирес, – что за бардак...

Сидящий рядом со мной Эддисон почесывает челюсть рукой, совершенно точно не сжавшейся в кулак.

Глава 3

Мы находим место для машины двумя домами ниже по улице – там, где сумела припарковаться Уоттс со своей командой. Она хлопает по плечу первого встречного офицера в форме:

– ФБР. Мы ищем капитана Скотта.

Офицер поворачивается и указывает на стоящего на крыльце дома Мерсеров мужчину в форме; его скрещенные на груди руки и угрожающе-мрачный вид отбивают у всех охоту приближаться. Ноги расставлены достаточно широко, чтобы проход к входной двери был полностью перекрыт.

– Спасибо.

Не знаю, в чем именно дело – то ли во властном виде, то ли в целеустремленной походке, то ли в выражении лица Эддисона, – но люди крайне поспешно расступаются перед нами. Зрелище девяти идущих с важным видом вооруженных агентов ФБР, должно быть, слегка пугает. Один из соседских дворов целиком заставлен рядами ярко-розовых металлических фламинго. На шеях тех, что ближе к улице, висит табличка с надписью большими заглавными буквами «ВЫКУСИ, СТИВ»: мелочность, достойная объединения домовладельцев. Впрочем, человек застенчивого вида берет фламинго одного за другим и укладывает в тележку.

Такая соседская грызня смотрится неуместно на фоне здешней трагедии.

Коричневый плащ Эддисона развеивается. На своих длинных ногах он опережает нас всех и первым доходит до крыльца Мерсера. Затем останавливается, так и не представившись капитану, и оглядывается на Уоттс.

Та в ответ лишь слегка улыбается и проходит мимо. Эддисон четыре года был лидером нашей команды и привык первым вступать в диалоги.

– Капитан Скотт, – здоровается Уоттс со стоящим на ступеньках мужчиной. В руке она держит уже открытое удостоверение. Ее аккуратно уложенные волосы с седыми прядями раскачиваются в такт кивку головы. – Кэтлин Уоттс.

Она представляет нас по очереди.

– Фредерик Скотт. – Капитан кивает в ответ. – Я бы сказал «добро пожаловать», но давайте без притворства.

Он смотрит на меня и едва заметно вздрагивает.

– На данный момент я не планирую вступать в прямой контакт с Мерсерами, – сообщаю ему.

– Такое часто происходит?

– Достаточно часто.

– Нельсон! Мэрдок!

Два стоящих у конца подъездной дорожки копа поворачиваются на оклик капитана.

– Вы пойдете с этими агентами. Обеспечьте их всем необходимым. Агент Уоттс, я представлю вас родителям девочки. Сейчас с ними детектив Макалистер – она введет вас в курс дела.

– Рамирес, – зовет Уоттс.

Рамирес поспешно взбирается по ступенькам вслед за Уоттс, бросает мне взятую из багажника нейлоновую сумку и следует внутрь за капитаном. Эддисон задерживается поговорить с капитаном, а остальные члены команды Уоттс расходятся по своим заданиям.

Нельсон и Мэрдок довольно молоды – вероятно, им от двадцати пяти до тридцати. Они служат в полиции достаточно давно, чтобы полагать, что появление агентов ФБР сулит соревнование «у кого длиннее», но не настолько, чтобы таить недовольство за прошлые случаи сотрудничества и вторжение на их территорию. Такой промежуточной точки зрения придер-

живаются совсем недолго, но я могу ее понять. Разные ветви правоохранителей хотят эффективно сотрудничать – просто на практике не всегда получается.

Очки съезжают на край длинного узкого носа Мэрдока – это единственная примета обоих напарников, сразу бросающаяся в глаза. Кирни представляет нас, полицейские протягивают было руки для рукопожатия, затем останавливают себя – вероятно, потому, что мы – женщины, и все заканчивается неловким взмахом-полуприветствием.

После этого я склоняюсь к версии, что им по двадцать пять.

– С кем из соседских детей она обычно идет домой? – спрашиваю.

– Вон с той. – Нельсон указывает на противоположную сторону улицы. – Ребеккой Коперник. Ее родители – Илай и Мириам, брат – Дэниел. Сегодня вся семья дома.

Переходим улицу. Офицеры после секундного колебания следуют за нами, словно потерявшиеся щенки. Кирни стучит в дверь. Я дольше состою в команде, но у нее больше опыта работы агентом. У нас нет строгой иерархии по старшинству, однако в критические моменты четкая субординация и знание, к кому следует обратиться, вселяют в людей уверенность.

Дверь открывает Илай Коперник, выглядящий усталым. То ли он всегда такой помятый, то ли на нем до сих пор вчерашняя одежда. Илай опирается всем своим весом на косяк, теребя пальцами прикрепленные к нему синие с золотым мезузы¹³.

Кирни вновь представляет нас – более неформально, чем офицерам. Коперник медленно кивает и впускает нас в дом. Полицейские колеблются и решают пока остаться на крыльце – на случай, если капитан их позовет. Или наорет. Трудно сказать, чего именно они ожидают.

– Я в курсе, что вчера Ребекка пришла из школы заболевшей, – начинаю я, как только с вымученными любезностями покончено. – Знаю, что за прошедший день ей пришлось пережить многое, но как думаете, она сможет ответить на несколько вопросов?

– Сейчас моя жена с ней наверху. – Он не отвечает ни «да» ни «нет».

Кирни смотрит мне в глаза, затем – вверх на лестницу. Она садится в гостиной вместе с Илаем и Дэниелом – долговязым мальчиком, на вид из тех четырнадцатилеток, которые за несколько месяцев вырастают чуть ли не вдвое; я же шагаю наверх. Найти дверь комнаты Ребекки нетрудно: на ней небрежно выкрашенная деревянная табличка в форме радуги. Концы дуги завершаются облачками, поверх которых наклеены в несколько слоев блестящие наклейки с единорогами. Стучусь тихо – на случай, если она спит.

Мириам открывает дверь. Она выглядит даже более уставшей, чем муж.

– О господи, – стонет женщина. – Нет, постойте, прошу прощения...

– Ничего страшного, миссис Коперник. Такая уж ситуация. Я не принимаю это на свой счет. – Не улыбаюсь – это было бы неуместно, – но приветливо киваю. – Меня зовут Элиза Стерлинг, я из ФБР. Я хотела бы побеседовать с Ребеккой, если, конечно, вы сочтете ее готовой к разговору.

– У нее синусит. Врач вчера снабдил нас антибиотиками, но...

– Понимаю. Если не возражаете, будете присутствовать во время беседы, и как только решите, что с нее хватит, мы прекратим.

Мириам смотрит на золотую Звезду Давида на тонкой цепочке на моей шее и дотрагивается до своего почти такого же украшения.

– Хорошо.

Ребекка выглядит несчастной: лицо по большей части бледное, с пятнами лихорадочного румянца. Посередине какая-то припухлость, но трудно сказать, насколько это вина синусита и насколько – выплаканных (вероятно) слез. Мать садится рядом с ней у изголовья узкой кровати и берет в руку стакан апельсинового сока с торчащей трубочкой.

---

¹³ Прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента из кожи животного с текстом молитвы.

Сажусь на корточки рядом с кроватью: теперь девочке не придется двигаться или прилагать усилия, чтобы увидеть меня.

– Привет, Ребекка. Меня зовут Элиза. Я из ФБР. Ты знаешь, что это?

Она пожимает плечами и склоняет голову набок.

– Мы вроде полиции, только присматриваем не за одним городом или штатом, а за всей страной. Мы здесь, чтобы помочь найти Бруклин.

Девочка шмыгает носом и наклоняется к матери. Та успокаивающе гладит ее по руке.

Достаю из переданной Рамирес сумки мягкую игрушку – коричневого щенка с темными заплатками на месте глаз и сзади на боку – и кладу на кровать рядом с рукой Ребекки.

– Это тебе. Знаю, сейчас на тебя много всего навалилось. Переживаешь за подругу и чувствуешь себя плохо... Если тебе захочется на кого-то накричать, стукнуть или швырнуть, эта игрушка – самое то. Если захочется сжать что-то в объятиях, он и для этого подойдет.

Девочка почесывает щенка за плюшевым ухом. Раньше мы дарили медвежат, но три года назад... в общем, с тех пор переключились на щенков, кошек, обезьян и другие мягкие игрушки, только не медведей.

– Ребекка, мне нужно задать несколько вопросов. Но сначала выслушай меня внимательно. Ребекка?

Та неохотно встречается со мной взглядом. Ох, бедный ребенок...

– Это ни в коем случае не твоя вина, – говорю я мягко, но настойчиво. – Ты не сделала ничего дурного. Бруклин пропала не из-за тебя. Она неизвестно где, это печалит и пугает и, знаю, легко может вызвать чувство вины. Ты, наверное, всю ночь не спала и думала, что, если бы ты пошла домой не одна, а с ней... Если бы, если бы, если бы...

По ее щекам катятся слезы. Ребекка кивает и прижимается ближе к матери.

– Но это не твоя вина. Кто-то похитил ее потому, что хотел похитить, и винить следует только его. Я хочу, чтобы ты повторяла это себе самой. Потому что так и есть. Ты можешь это принять?

Девочка, по-прежнему оставаясь в кольце материнских рук, тянется к щенку и крепко его обнимает. В конце концов она медленно кивает.

– Хорошо. Не стесняйся, выпей соку, милая. Болеть тяжело.

– Я хочу помочь с поисками, – произносит Ребекка сиплым от кашля голосом. Тем не менее она послушно допивает сок. Мириам ставит стакан на книжную полочку у кровати и приглаживает мокрые от пота волосы дочери.

– Лучшее, что ты можешь сделать для Бруклин прямо сейчас, – поправиться. Знаю, это нелегко. Но люди будут задавать тебе вопросы, которые помогут нам ее найти. Этим ты помогаешь, милая.

Девочка не выглядит убежденной. Впрочем, кто бы на ее месте думал иначе? Как только они с Бруклин пошли домой не вместе, лучшую подругу похитили. Смирится ли она в итоге с мыслью, что это не ее вина, или нет – в любом случае тяжкая ноша.

– Как думаешь, сейчас ты в состоянии ответить на несколько вопросов? Или сначала надо немного отдохнуть?

– Вы найдете ее?

Мириам закрывает глаза.

– Мы приложим все усилия.

Я протягиваю руку. После секундной заминки Ребекка принимает ее, крепко сжимая ладонь.

– Мне жаль, что я не могу пообещать тебе, что мы ее найдем, Ребекка, очень жаль. Мне жаль, что я не могу просто щелкнуть пальцами, чтобы Бруклин оказалась здесь. Но я не стану лгать тебе – ни сейчас, ни потом. Ее разыскивает множество очень умных людей, и каждый из нас будет стараться изо всех сил.

Девочка смотрит на наши руки красными опухшими глазами:
– Хорошо. Какие у вас вопросы?

Глава 4

Примерно через час спускаюсь вниз по лестнице. У меня еще остались вопросы к Ребекке, однако та начала впадать в полудрему минут за десять до того, как мать объявила, что пришло время принять новую порцию лекарства и поспать. Я оглядываюсь: Кирни в гостиной нет, а вот Эддисон присел на подлокотник дивана, положив руку на спину Дэниелу. Брат Ребекки почти сложился вдвое, спрятав лицо в ладонях. Не вмешиваюсь, а иду на кухню вслед за раздающимися оттуда звуками. Илай стоит у длинного стола, на котором, как на конвейерной ленте, разложены компоненты сэндвичей.

– Он винит себя, – произносит мужчина, не оборачиваясь. – Говорит, ему не следовало отправляться на экскурсию, не удостоверившись, что девочки благополучно добрались до дома. Ему четырнадцать, он не должен... не должен...

– Ребекка сказала мне, что он очень хороший брат, хотя и мальчик.

Илай издает что-то вроде фырканья – в не столь скверный день это могло бы сойти за смех. На краю стола большая тарелка с грудой уже готовых сэндвичей. Подозреваю, он готовит их, просто чтобы занять себя чем-нибудь, а не потому, что Коперники проголодались. Большинство сэндвичей, скорее всего, раздадут соседям и полицейским.

– Вчера Мири позвонила Алисе после того, как привела домой Ребекку. Предложила забрать Бруклин после уроков. Алиса посоветовала ей больше беспокоиться о том, чтобы показать Ребекку врачу, а они с Фрэнклином займутся дочерью.

– И их планы нарушились?

– Фрэнк сказал, что позаботится о девочке, но его вызвали на срочное совещание по проекту. Он послал сообщение Алисе, однако та находилась на конференции и несколько часов не доставала телефон, пока не отправилась домой. Я... – Он беспомощно качает головой. – Я вообразить не могу, как сильно они сейчас, должно быть, ненавидят себя. И... все мы оказывались в ситуациях «упс, я что-то забыл», но чтобы из-за этого пропал твой ребенок...

– Моя мать однажды забыла про меня и уехала из города.

– Что?

– Мой папа уехал за границу в командировку, а мы собирались отправиться на выходные к ее сестре, которая жила в нескольких часах езды от нас. Вот только мать уехала, не забрав меня из школы. В результате я провела все выходные у лучшей подруги.

– Она не вернулась?

– Не замечала моего отсутствия, пока тетя ее не спросила. Думала, что я просто дуюсь на заднем сиденье. Потом решила, что ехать обратно и тратить столько часов на дорогу – это чересчур для ее нервов.

Прислоняюсь к другому краю стола и наблюдаю за мерными движениями рук Илая над сэндвичным конвейером.

– Повезло, что семья моей лучшей подруги не планировала куда-то уезжать. Несчастья случаются, но не стоит всегда ожидать худшего.

Он смотрит на меня саркастически, однако не спорит.

– Как я и сказала вашей дочери, это вина похитителя Бруклин. Не кого-то еще.

– Я веду криминальную колонку в «Таймс диспатч» и знаю, каковы шансы найти ее. Особенно учитывая, что начинаем так поздно.

– Плевать на «шансы».

– Но...

– Серьезно – плевать. Да, у нас бывали неудачи, но случались и чудеса. Я не собираюсь списывать Бруклин со счетов из-за «шансов», и вы не должны. Надежда – очень сильная штука.

– Древние греки считали ее худшим из зол. Единственным, которое Пандоре удалось снова запретить.

– Но является ли надежда злом? Или помогает в борьбе со злом?

Его руки застыли. Горчица капает с ножа для масла.

– Вы так похожи на нее...

К счастью, как раз в этот момент к нам присоединяются Дэниел и Эддисон. У парня красные глаза, он напряжен. Отец тут же откладывает нож и хлеб и заключает сына в объятия, в которых тот размякает.

– Мы вернемся, когда появятся новые вопросы, – тихо говорит Эддисон. – Если что-нибудь понадобится, моя визитка на каминной полке. Если вам потребуется снова отвести Ребекку к врачу, предупредите одного из агентов или полицейских, пожалуйста.

Илай кивает и утыкается лицом в растрепанные волосы сына.

Выходим и плавно закрываем за собой дверь. Нельсона и Мэрдока нигде не видно, но ничего страшного.

– Ребекка нарисовала мне маршрут, по которому они ходят домой из школы. Есть здесь еще какие-то дела или пойдем проверять? – спрашиваю я.

– Дел нет, только пошли сообщение Уоттс: пусть знает, что мы уходим.

Я докладываю Уоттс. Та пишет в ответ: «вас поняла все еще с меРсерами». Должно быть, печатает левой рукой.

Когда-то давно Мерседес была, можно сказать, пропавшим ребенком. Благодаря этому она отличается не только добротой, но и особой чувствительностью к подобным делам. Примерно как Эддисон, который, несмотря на свой характер, очень хорошо успокаивает ребят вроде Дэниела – перепуганных старших братьев.

Моя же специализация обычно пригоняется позже, как только устанавливаем личность подозреваемого. Я лучше всех общаюсь с родственниками тех, на кого мы охотимся.

Откладываю телефон. Мы спускаемся по улице. Вокруг слоняются желающие помочь, которые в основном только путаются под ногами.

Через несколько домов нас останавливает пожилая женщина и берет меня за руку.

– Привет, милая. Ты, случайно, не сестра Алисы?

Это потому, что у Бруклин волосы того же цвета, что и у ее матери.

Слегка распахиваю куртку, демонстрируя значок и кобуру с пистолетом:

– Нет, мэм. Я агент Стерлинг, а это агент Эддисон. Мы из ФБР.

Она отдергивает руку.

– Ох, прошу прощения. Я просто подумала... вы так похожи...

– Понимаю. Вы хорошо знаете Мерсеров?

– Нет... не особо хорошо. Бруклин и Ребекка в одном отряде «Брауни»¹⁴ с моей внучкой Сьюзи. Они, м-м... – Она смущенно хихикает и машинально приглаживает седеющие волосы. – Боюсь, они плохо ладят.

После нескольких минут разговора продолжаем путь по улице. Эддисон заносит заметки в свой планшет. Подобное повторяется еще четырежды, прежде чем мы заворачиваем за угол. Какой-то грустный старик – ему, вероятно, почти семьдесят или чуть больше – делает шаг назад при виде меня и прижимает к груди пачку листовок. Когда через минуту он расслабляется и опускает руку, вижу на них лицо Бруклин.

Замечаю, как внимательно смотрит на меня Эддисон.

– Скажи уж вслух, что думаешь.

– Решение за Уоттс...

– Но?

---

¹⁴ Организация девочек-скаутов.

– Но, думаю, стоит быть готовой к тому, что теперь ты будешь оставаться в офисе. Раз сходство такое сильное, его заметят люди не только в этом квартале.

– Разве оно не может пригодиться? Напугать тех, кто похитил девочку?

– Если она по-прежнему у них. И если похитители бродят поблизости.

И то верно.

Вздыхаю и оглядываю улицу.

– Путь свободен.

В ответ на неуклюжую попытку сменить тему Эддисон ухмыляется, но подыгрывает:

– Развесистых деревьев нет, улица широкая, много фонарей. Скорее всего, она пропала при свете дня... Тем не менее, если планируешь киднэппинг, не лучшая улица для похищения.

– Но было ли оно запланировано? Может, похититель воспользовался первым удобным случаем?

– Что сказала Ребекка?

На лице Эддисона мелькает болезненное выражение. У его сестры были такие же друзья, в том числе лучшая подруга, с которой она, по идее, всегда должна была ходить домой.

Я прижимаюсь к нему; наши руки на мгновение соединяются – касаются настолько, насколько мы можем позволить себе на службе.

– Она не замечала никаких странных людей в течение прошлых недель вплоть до вчерашнего дня. Никто не проявлял повышенного интереса и не задавал неуместных вопросов. К ним никто не приближался, кроме соседей, школьников и учителей.

От входной двери соседнего дома видно стоящую дальше по дороге школу. На главном входе висят таблички с красным сигналом светофора и с большими – для детей – значками пешеходного перехода. На каждом углу скамеечка для постовых.

– Путь прямой, – говорит Эддисон, теребя свой темно-зеленый шарф. Это его служебный аналог неоновно-зеленого шарфа, который он обычно носит, когда холодно. – Предсказуемый, но местность открытая. Скрыться негде, внезапно выпрыгнуть неоткуда. Любой остановившийся здесь автомобиль оказался бы очень заметен – у всех на виду. Все больше кажется, что похититель, должно быть, знакомый ей человек, с которым она пошла бы.

– Нужно выяснить и составить список тех, кто находился дома после полудня. Узнать, как далеко девочка могла уйти, пока никто не спохватился.

– Чем ее могли заманить?

– Скорее всего, не домашним животным. По словам Ребекки, Бруклин терпеть не может кошек своей матери и распространила ненависть на домашних питомцев в целом.

– Не может терпеть настолько, что не купилась бы на трюк с «потерявшимся» или «раненым» животным?

– Не знаю. Ребекка сказала, что это она обычно любит задержаться, поглазеть на что-нибудь или поболтать с кем-нибудь по пути домой, а Бруклин не дает ей отвлечься.

Несколько минут стоим на углу и оцениваем трафик. Трудно сказать, обычный он или повышенный – из-за проводимых поисков. Эддисон смотрит на часы, трогает меня за локоть, и мы подходим к школе. Это комплекс опрятных зданий из тускло-красного кирпича и серого камня; по задумке, он не должен выглядеть ни представительно, ни эффектно. Школа кажется гостеприимной и уютной. Если не считать выстроившуюся в кольцо автобусов шеренгу полицейских машин.

– Дополнительные полицейские? – спрашиваю я, указывая на автомобили.

– Видимо, да. Дети знают о пропаже Бруклин. Если школьная администрация достаточно сообразительна, то проведет с учениками беседу, а не позволит распространяться слухам и накапливаться страхам.

Молодой полицейский встречает нас у входа в здание администрации.

– Что вы здесь делаете? – резко спрашивает он.

В ответ Эддисон молча смотрит на него.

Через секунду полицейский слегка краснеет.

– Приношу извинения. Просто сегодня в школе дополнительные меры безопасности.

– Это понятно, – спокойно отвечает Эддисон. – Я расстегну куртку и достану удостоверение личности, если не возражаете.

Следую его примеру. Полицейский испытывает видимое облегчение при виде фэбээровских значков, заносит в журнал наши имена и открывает дверь. За столом сидят и стоят сотрудники школы. Подвешенный в верхнем углу комнаты телевизор с приглушенным звуком показывает местные новости о прогрессе поисков Бруклин. Большинство смотрят на экран.

Пожилая женщина оглядывает нас и улыбается тепло, хотя и напряженно:

– Стерегущий ворота щеночек впустил вас?

– Значит, не только мне показалось, что он слишком юн для таких обязанностей, – соглашается Эддисон.

Женщина обходит стол и смотрит на значки, по-прежнему лежащие в наших ладонях.

– Меня зовут Синтия, я одна из ответственных секретарей. Чем могу помочь?

– Мы хотели бы побеседовать с директором школы, если можно. Понимаем, что сегодня он очень занят...

– Все сегодня заняты, – мягко прерывает она, – причем таким образом, что в результате ничего не делается. Большую часть дня в кафетерии проводятся классные собрания. У третьеклассников сегодня тоже дополнительные занятия. Бедная девочка...

Расписываемся в очередном журнале – первый, очевидно, сугубо для полицейских нужд, а этот для школьного учета, – и Синтия ведет нас обратно в здание самой школы. Помещения светлые. Странное сочетание блеклости и чрезмерной чистоты, которое встречается только в школах и других государственных учреждениях. Все двери, через которые мы проходим, украшены в общем стиле – то ли на тему Хеллоуина, то ли просто осени. На красиво оформленных досках объявлений – информация о школьных событиях и конкурсах чтецов. На одной перечислены меры предосторожности при выпрашивании сладостей во время Хеллоуина¹⁵.

Синтия замечает мой взгляд.

– Мы обдумываем вариант открыть школу в ночь на Хеллоуин, чтобы дети играли в «Сладость или гадость», ходя по классам. Здесь безопасно и светло. Дети, возможно, будут несколько разочарованы, зато многие родители спокойны.

– Неплохая идея, – говорю я, – особенно учитывая, как часто дети гуляют сами по себе или со старшими братьями и сестрами, без взрослых.

Сейчас в кафетерии сидят, ерзая на стульях, пятиклассники. Перед ними по очереди выступают полицейский и женщина в брючном костюме лавандового цвета. Это не лекция и не совсем презентация. Так отреагировала на инцидент школа. Я признательна, что они не пытаются скрыть случившееся от детей. Другие взрослые – учителя, добровольные помощники и большая часть администрации – стоят вдоль стен.

Синтия жестом велит подождать здесь, проскальзывает к дальней стене и останавливается рядом с мужчиной в темно-сером костюме. Он опоясан тяжелым ремнем, за которым скрывается кончик желтого галстука. Мужчина смотрит на нас, кивает и следует за Синтией. Ждет, пока мы снова выйдем в холл, после чего начинает разговор:

– Джошуа Мур. – Протягивает руку, которую мы поочередно пожимаем. – Я директор школы.

– Спасибо, что нашли для нас время, директор Мур. Я агент Эддисон, а это агент Стерлинг; мы здесь по заданию ФБР.

---

¹⁵ Традиция детей ходить в Хеллоуин от дома к дому, выпрашивая угощения и шутливо угрожая вопросом: «Сладость или гадость?»

Задаюсь вопросом, сколько раз за каждое расследование мы повторяем эту фразу.

– Есть ли какой-то прогресс? – спрашивает Мур, когда мы трогаемся с места. Синтия машет нам рукой и уходит в сторону кабинета.

– Пока нет, – отвечает Эддисон. – Разумеется, мы занимаемся поисками Бруклин, но, помимо этого, пытаемся сложить по кусочкам картину вчерашних послеполуденных событий.

– Да, понимаю. Говорить удобнее в библиотеке, чем в моем кабинете. Мы стараемся держаться у детей на виду. Увы, из канцелярской работы сегодня делается только самое необходимое.

– Сколько родителей сегодня оставили детей дома?

– Процентом тридцать, наверное. Большинство работают, так что, оставаясь дома, им будет затруднительно платить по счетам. Здесь же детей поддерживают друзья, учителя, консультанты. Мы постараемся возобновить уроки в понедельник.

Библиотека – теплая, гостеприимная, хорошо просматриваемая комната. Высокие книжные шкафы располагаются вдоль стен; шкафы вдвое ниже через равные промежутки разделены столами, компьютерными столиками или удобными креслами. В центре помещения – что-то вроде пятиугольной выемки, к которой, словно в амфитеатр, ведут две широкие ступени. И сама она, и ступеньки завалены большими подушками. В одном из углов – несколько столов. За ними двое – по виду студенты – разбирают и скрепляют пачки бумаг.

– Они получают высшее образование, – поясняет Мур, проследив за моим взглядом. – Часть из них – волонтеры, некоторых направили сюда на педагогическую практику. Мы попросили их собрать воедино информацию для родителей и передать через детей. Некоторые родители оплатили стоимость копирования.

– Значит, биография каждого помощника проверена?

– Да. Волонтеры, имеющие дело с детьми, должны пройти проверку перед началом работы.

Директор подводит нас к столу, который стоит немного в стороне от других на низкой платформе. Отсюда хорошо видна вся комната. Ждет, пока мы усядемся, потом садится сам.

– Это верно и в отношении всех сотрудников, вне зависимости от того, взаимодействуют они с детьми напрямую или нет, а также работающих в школе подрядчиков.

– Вам доводилось отклонять заявки на основании проверок?

Эддисон вынимает из заднего кармана потрепанный блокнот от «Моулскин», открывает и ищет в карманах куртки авторучку. Протягиваю ему ту, что торчала у меня в прическе. Если нет другого выхода, Эддисон заносит заметки в планшет, однако ему лучше думается, когда можно записать на бумаге, а позже повторно пробежаться по ним при переносе в электронный вариант.

– В этом учебном году? Бывало. Несколько обвиненных в употреблении наркотиков, несколько – в воровстве. Припоминаю только одного с обвинениями в насилии. В отношении мужчины, подавшего заявку на должность физрука, действует судебный запрет, а в его биографии обнаружили случаи бытового насилия. Не в отношении детей, однако мы не собирались потенциально рисковать нашими сотрудниками женского пола. Не помню его имени, но этим утром его заявку достали из архива и скопировали для полиции.

– Прошлым вечером вам звонили?

Директор кивает и поправляет галстук. После этого ему приходится заново подтянуть ремень, так что галстук съезжает опять.

– У нас есть телефон, доступный в нерабочее время. Порой дети что-нибудь забывают и не могут ждать до следующего учебного дня – скажем, лекарства или ингалятор, – так что мы договариваемся, что ответственный за ключи передаст потерянную вещь родителям. По этому номеру также звонят предупредить, если ребенок или его родственник заболел. В случае насто-

ящей чрезвычайной ситуации любой сотрудник, находящийся у телефона, может связаться со мной или дежурным администратором. Мне позвонили сообщить о пропаже ребенка.

– В котором часу?

– Чуть позже десяти вечера. Бернал – начальник школьного отдела кадров – и я сразу после шести часов осмотрели школьные здания и территорию, перед тем как уйти. Мы не видели ничего и никого странного. Когда мне позвонили, я вернулся в школу – чуть позже половины одиннадцатого. Встретился с полицейскими, и мы совершили еще один обход. Никаких признаков того, что Бруклин была здесь после занятий или что вернется сюда.

Эддисон кивает и записывает названное время.

– Понимаю, у вас слишком много учеников, чтобы вы знали всех... – начинаю я и умолкаю при виде улыбки на лице директора.

– Так оно и есть, но я стараюсь. Каждое утро навещаю классы по очереди. Если все идет нормально, то дважды в четверть провожу утро в каждом классе. Это не значит, что я хорошо знаю учеников, но, по крайней мере, поверхностно знаком с большинством из них.

– Следовательно, вы знакомы и с Бруклин.

– Да, немного. В прошлом году в первый школьный день она пришла в мой кабинет, рыдая, потому что ее и Ребекку Коперник распределили в разные классы. Она умоляла поместить их в один.

– А вы это сделали?

– После консультации с учителями и с родителями – да. Оказалось, что отсутствие Ребекки – лишь часть проблемы. Другая девочка в изначальном классе Бруклин травила ее и Ребекку, и Бруклин не хотелось учиться с ней.

– Это девочку зовут... случайно, не Сьюзи Грей?

Директорские брови приподнимаются.

– Именно. И все три девочки состоят в одном отряде «Брауни».

– Бабушка Сьюзи рассказала нам, что они плохо ладят.

– Не стану утверждать, что Бруклин и Ребекка никогда не совершали ничего дурного, но, к сожалению, Сьюзи – задира. Для решения этой проблемы мы назначили ей еженедельные встречи со школьным консультантом.

– Не знаете, есть какие-то конкретные причины такого поведения?

– Полагаем, это реакция на домашние неприятности. Очевидно, ее родители стараются как минимум не контактировать друг с другом. Мы в основном общаемся с бабушкой.

– Со службой опеки ни разу не связывались?

– Нет. Бабушка – законный опекун, и мы не заметили никаких признаков, что со Сьюзи плохо обращаются. Бабушка активно интересуется ее делами и явно обожает внучку. Судя по нашей информации, скорее всего, Сьюзи приревновала к тому, как деятельно Алиса Мерсер и Мириам Коперник заботились о своих дочерях, когда те состояли в «Дейзи»¹⁶, и стала срываться на них.

– Директор Мур?..

Все трое поворачиваемся к стоящей на почтительном расстоянии женщине в длинной юбке-«метле» и толстом джемпере. Она или консультант, или учительница начальных классов.

– Да?

– Тут, в холле, заплаканная Сьюзи Грей. Она хочет поговорить с вами.

Мур встает и оглядывает комнату – полагаю, удостовериться, что рядом нет учеников.

– Приведите ее. Мы только что о ней говорили.

---

¹⁶ Организация девочек-скаутов.

Женщина кивает и поспешно выходит. Почти сразу возвращается в компании другой женщины, более пожилой и грузной, и девочки-брюнетки, из-за слез толком не разбирающей дороги и спотыкающейся, так что ее приходится вести.

Мур подставляет ей свой стул, на который та буквально рушится, и садится рядом на корточки. Женщины устраиваются на краю платформы.

– Сьюзи? – мягко спрашивает директор. – Мисс Сьюзи, расскажите, что случилось.

– Это я виновата, – всхлипывает девочка. – Виновата в пропаже Бруклин. Я не хочу в тюрьму!

Глава 5

Все таращатся на нее. Мур первым приходит в себя, берет руку девочки в ладонь и мягко поглаживает ее пальцем.

– Сьюзи, что ты имеешь в виду? С чего ты взяла, что это твоя вина?

Сьюзи издает грандиозный всхлип. Я вытаскиваю из кармана куртки упаковку салфеток и передаю директору через стол. Мур вручает одну из них девочке, чтобы было куда высморкаться.

Мы с Эддисоном опасливо переглядываемся. Он, как и все братья, имеет тенденцию паниковать при виде плачущих девочек. Не то чтобы не питает к ним симпатии или не умеет обращаться с детьми – просто плачущие маленькие девочки разбивают ему сердце, и он становится крайне неловким и взволнованным. Обычно в подобной ситуации вмешиваюсь я.

Но если Сьюзи думает, что пропажа Бруклин – ее вина, то при виде меня она вряд ли почувствует себя лучше.

Бровь Эддисона дергается. Я морщу нос. Он склоняет голову набок, подталкивая меня к действию.

Ладно.

– Сьюзи? Меня зовут Элиза. Я одна из тех, кто занимается поисками Бруклин.

Девочка делает судорожный вдох. По ее лицу по-прежнему обильно катятся слезы.

– Милая, что случилось с Бруклин?

– В среду на встрече «Брауни»... – начинает Сьюзи и вновь всхлипывает. Директор молча дает ей новую салфетку. – ... Я отобрала у нее вторую булочку. И толкнула ее и назвала плаксой, когда она сказала, что обо всем расскажет.

Она съезживается, явно ожидая, что ее выберут.

– Сьюзи, я здесь не затем, чтобы кричать на тебя. Ты уже знаешь, что поступила неправильно, и поэтому коришь себя. Что было дальше?

– После встречи мы пошли к ней домой, миссис Мерсер приготовила нам обед. Моей бабушке пришлось задержаться на работе, и миссис Мерсер предложила присмотреть за мной. Но после обеда Бруклин ушла к себе в комнату и закрыла дверь. Тогда я сказала миссис Мерсер, что Бруклин на встрече украла мои булочки. Я только хотела, чтобы она вышла, но мать велела ей остаться в комнате и подумать над своим поведением. Бабушка пришла только через несколько часов. Миссис Мерсер разрешила мне посмотреть фильм, но...

– Но тебе было одиноко.

Сьюзи кивает и вновь шмыгает носом. По крайней мере, не вытирается рукавом.

– Ребекка рано ушла домой. Вчера то есть. На перемене Бруклин сидела одна, так что я столкнула ее с качелей и сказала, что никто не хочет находиться рядом с ней и ей лучше исчезнуть. Я сказала ей... сказала...

– Успокойся, Сьюзи. Можешь рассказать нам все.

– Я сказала, что родители собирались отослать ее подальше, но ее дедушке и бабушке она тоже не нужна и поэтому они постоянно ссорились. Что ей лучше убежать, тогда все будут счастливы. И она сбежала. Ее нет, все напуганы, и это целиком моя вина!

Она вновь переключается на непрерывные рыдания, сотрясаясь всем телом.

Женщина постарше поспешно огибает стол, мягко отстраняя директора в сторону, и заключает Сьюзи в объятия. Она плавно баюкает девочку, тихо что-то бормоча-напевая, давая ей выплакаться.

Достаю рабочий телефон и шлю сообщение Уоттс, а заодно и Рамирес:

Спросите Мерсеров: пыталась ли раньше Бруклин сбежать? И ссорятся ли Мерсеры-старшие с бабушкой и дедушкой? Не знаю, с какими именно.

По отцовской линии, – быстро отвечает Уоттс. – Уже занимаемся этим вопросом.

У Рамирес на ответ уходит больше времени. Впрочем, ответ и длиннее.

Алиса говорит, что два года назад Бруклин и Ребекка попытались сбежать в цирк, потому что хотели стать акробатками, но родители сказали, что у них нет гимнастической подготовки. Они уговорили Дэниела отвести их в цирк. Тот водил их по задним дворам, пока девочки не устали и не проголодались, затем повел обратно домой. Похоже, это была единственная попытка побега, над которой все от души посмеялись.

Видимо, версия бегства все еще актуальна. Что навело вас на мысль рассмотреть ее? – спрашивает Уоттс.

Вчера после ухода Ребекки домой Сьюзи Грей наговорила Бруклин гадостей. Сказала, что ссоры ее родителей с бабушкой и дедушкой – ее вина и что им всем стало бы лучше, если бы она сбежала.

Проходит почти две минуты, прежде чем от них приходит ответ. Держу пари, за это время было напечатано и удалено немало нецензурных слов.

Аналитики рассмотрят ситуацию с их бабушкой и дедушкой. Считаю тоже поручу заняться этим.

Рамирес вообще ничего не отвечает. Я не удивлена.

– Что думаешь? – тихо, чтобы плачущая девочка не расслышала, спрашивает Эддисон.

– Если бы Бруклин собиралась сбежать, она не сделала бы это без Ребекки, – отвечаю так же тихо. – Уверена, слова Сьюзи причинили ей боль, но не думаю, что она сбежала. Скорее искала бы утешения у Ребекки.

Он кивает и отходит от стола. Следую за ним – к другой женщине-консультанту. Та с беспокойством следит за Сьюзи, стискивая локти сквозь рукава толстого джемпера цвета вереска. Когда мы останавливаемся перед ней, она моргает и сосредоточивается на нас.

– Прошу прощения, – бормочет женщина. – Я – Гермиона Нэнс.

– Наверное, вы сразу узнаете, когда дети открывают для себя «Гарри Поттера», не так ли?

– Практически моментально, – соглашается она с усталой улыбкой на лице.

– Вы консультант Бруклин, верно?

Она кивает и задумчиво смотрит на меня.

– Как вы узнали?

– Вы зашли и предоставили своей коллеге заниматься Сьюзи. И теперь она утешает ее.

– Да, я консультант Бруклин. Мы решили, что выйдет лучше, если у девочек будут разные консультанты. Чтобы мы могли помочь им обеим, не рискуя выбрать кого-то в любимчики.

– Что можете сказать о Бруклин?

– Милая девочка. Всегда готова помочь другим. Не любит конфликты. Если поблизости начинается ссора или же она становится ее частью, старается отстраниться.

– Значит, если ее родители и бабушка с дедушкой ссорятся...

Гермиона кивает.

– В этом учебном году Бруклин часто заходит в мой кабинет на переменах. Она встревожена.

– Можете назвать причину тревоги?

– В обычной ситуации не назвала бы, но... – Она качает головой, из небрежно собранного и съехавшего набок пучка волос выбиваются каштановые пряди. – Ее бабушка и дедушка по отцовской линии никогда не жаловали Алису. Почему – мне неизвестно. Могу лишь предположить, что миссис Мерсер никого не сочла бы достойной своего «милого сыночка». Думаю, дело не конкретно в Алисе, а в том, что для ее сына стала важнее другая женщина. После свадьбы они не разговаривали годами, до рождения Бруклин. С тех пор свекровь и свекор постоянно критиковали Алису как мать. Это непрерывное давление определенно сказывается на ней.

– Похоже, и на Бруклин.

– О да. Иногда после визита бабушки с дедушкой Бруклин просит назначить встречу, просто чтобы спокойно посидеть у меня в кабинете. Но с началом нового учебного года ее тревоги стали носить более специфический характер.

Эддисон выпрямляется и постукивает авторучкой по блокноту.

– Специфический?

– Кажется, бабушка с дедушкой угрожали отцу и матери Бруклин лишить их родительских прав в судебном порядке и оформить опеку над внучкой.

*Chas v'sholem*¹⁷.

Что ж, дело только что стало или проще, или сложнее. Время покажет, первое или второе, однако что-то определенно переменилось.

Эддисон почесывает за ухом авторучкой.

– Странно, вы до сих пор не предположили, что...

– ...что, быть может, ее похитили бабушка и дедушка? – заканчивает за него Гермiona.

– Как думаете, насколько это вероятно? – спрашиваю я.

Она отвечает далеко не сразу, большим и средним пальцами теребя выбившуюся из рукава нитку.

– Не знаю, – в конце концов говорит Нэнс. – Я никогда не встречалась с ними лично. Бруклин не хочет, чтобы они присутствовали на школьных мероприятиях. Не хочет давать им шанс выставить свою мать посмешищем перед другими родителями.

– Господи Иисусе, – бормочет Эддисон. – Чтобы ребенку приходилось беспокоиться о такого рода вещах...

– Интуиция – какая ни есть – подсказывает мне, что похищать внучку, когда они пытаются оформить опеку, контрпродуктивно. Они не являются ее дополнительными опекунами ни в одном официальном документе.

– Однако?..

– Люди не всегда совершают полностью обдуманные поступки. Семейные дела запутанны.

И это чистая правда.

Из бесед с Гермioniой Нэнс и учителями Бруклин вырисовывается портрет дружелюбной отзывчивой девочки, улыбающейся всем, кого зовут не Сьюзи Грей, – и даже ей она нередко пыталась улыбаться. Интроверт, но не застенчивая. Оба ее главных учителя – один преподает литературу и обществознание и является классным руководителем, а другой – математику и естествознание – говорят, что дают Бруклин уединиться и прийти в себя после групповых занятий или презентаций. Ребекка более общительная из двух подруг, однако и Бруклин не уклоняется от контакта с другими детьми. Просто после этого ей требуется отдых. Любимый предмет – обществознание, особенно история; немногим меньше ей нравится рисование. Ее иллюстрации к заданиям по истории всегда лучшие.

Прибывшие постовые собираются внутри автобусного кольца; полицейские перемещают свои автомобили к стоянке, чтобы освободить место автобусам. Все постовые часто общались с Бруклин и Ребеккой: чтобы добраться до школы, девочкам надо миновать два перехода, и они нередко меняют маршрут – поздороваться с каждым постовым.

– Я спросил ее, где Ребекка, – сообщает последний видевший девочку постовой. Это пожилой человек с редкими седыми волосами и обветренной кожей. Во время разговора он вертит в руках фуражку со светящимися полосками, теребя пальцами подвернутый козырек. – Она сказала, что Ребекка заболела и была вынуждена уйти домой, а Дэниел уехал на экскурсию. Бруклин покинула школу одной из последних ребят, перед самым концом нашей смены.

– Во сколько это произошло?

---

¹⁷ Боже упаси (ивр.).

– Три пятнадцать, три двадцать... Где-то так. Мы уходим в три тридцать. Она сказала, что ждала родителей, но те не пришли. Я предложил ей пойти в здание администрации и попросить секретаря на всякий случай связаться с ее родными, но она ходит этой дорогой каждый день... – Постовой опускает голову, рассматривая большие костяшки пальцев в белых нитяных перчатках. – Она сказала, ничего страшного не случится. Пообещала пойти прямо домой или к Ребекке. Не останавливаясь и никуда не сворачивая, чтобы срезать путь.

– Следовательно, в последний раз вы видели ее...

– Когда она бежала трусцой по тротуару и оказалась в своем квартале.

– Вы не заметили, кто-нибудь еще видел Бруклин?

– Только Эдит. – Он мотает головой в сторону другого постового. – Она вчера дежурила на противоположной стороне перехода и тоже видела ее.

– Она выглядела обычно, – вставляет Эдит. – Шла спокойным шагом, пока мы не сказали ей поторопиться домой. Она не казалась испуганной. Больше я никого не заметила. Никаких притормаживающих рядом автомобилей – ничего особенного. И никто не сворачивал в тот же квартал сразу вслед за ней.

– Перед уходом со смены вы не видели, чтоб из того квартала спешно выезжали автомобили или выходили люди? – интересуется Эддисон.

Постовые переглядываются и качают головами.

– Нет, сэр, – отвечает мужчина. – Не берусь утверждать, что их не было, но мы не видели.

– Благодарю.

– Каждый раз, когда они с матерью пекут булочки, она обязательно приносит несколько штук каждому из нас, – сообщает Эдит. – Всегда говорит «здравствуйте», «до свидания», «спасибо» и напоминает об этом Ребекке, если та забывает. Вы должны отыскать эту чудесную девочку.

Эддисон с трудом сглатывает ком в горле.

– Приложим все усилия, – отвечаю я. Беру напарника под локоть и увожу. – Пойдем. Давай вернемся в этот квартал и посмотрим – может быть, с другой стороны улицы что-то выглядит иначе...

Возвращаемся по своим следам в поисках чего-нибудь бросающегося в глаза. Земля вся истоптана после предыдущих поисков, но вокруг нет ни живых изгородей, ни валунов, за которыми можно спрятаться. Кое-где встречаются заборы, но редко какие стоят по переднему краю; большинство отгораживают задние дворы или отделяют соседей друг от друга. На улицу выходят лишь невысокие штакетники, просматривающиеся насквозь, – больше декоративные, чем практичные: они годятся разве что удерживать маленьких кусачих собачек.

– Автомобиль был припаркован перед одним из домов? – размышляет Эддисон. – Не исключено. Приятель соседа или какой-нибудь ремонтник. Впрочем, можно было ожидать, что хозяин в это время окажется дома. Ведь дом – не квартира, ключи рабочим обычно не выдают...

– Если только это не рабочий, который приходит регулярно. Если с ним давно сотрудничают, нет ничего странного, чтобы сделать для него ключи или сказать, где запасные.

По тротуарам ходят люди. Не успеваем мы вернуться на улицу Мерсеров, как прохожие начинают подходить, предлагают помощь или просто пялятся на нас. Привычно поднимаю планшет и снова фотографирую их группками и по одному. Иногда преступники пытаются включиться в расследование, чтобы сорвать его или осложнить суматохой и шумом. Или, как в нашем случае, втереться в ряды добровольных помощников и отвести от себя подозрения.

Здорово, если бы мы могли изобличить преступника по его притворным, лицемерным усилиям, однако под эту категорию попадают многие. Всегда находятся люди, которые просто хотят узнать подробности или которым есть что скрывать; встречаются и любители насладиться чужим горем, болью и паникой.

Кирни с агентом Бернсайдом присоединяются к нам возле дома Мерсеров. Уоттс и капитан Скотт стоят плечом к плечу; Уоттс делает заявления для собравшихся репортеров. Останавливаемся на краю владений Коперников и наблюдаем.

– Как там в школе? – спрашивает Кирни.

– Они весь день устраивали собрания, чтобы провести с детьми беседу о случившемся и предостеречь от опасных незнакомцев, – отвечаю я.

Она фыркает и скрещивает руки на груди.

– Опасных незнакомцев... Замечательный способ удостовериться, что целое поколение детей будет бояться сказать «привет». А потом удивляются, почему взрослые терпеть не могут общаться с незнакомыми. Ты этого не помнишь – слишком юна.

– *Savta*¹⁸, я младше тебя на пять лет, а не пятьдесят.

Она пытается пнуть меня в лодыжку, но я оказываюсь вне досягаемости.

Уоттс на противоположной стороне улицы заявляет, что ответит на несколько вопросов, и репортеры стараются перекричать друг друга. Она ненавидит общаться с журналистами и выступать перед камерами. Когда Уоттс отвечает на один из вопросов, на ее лице мелькает раздражение.

– У меня нехорошее предчувствие насчет этого дела, – шепчет Кирни.

Эддисон слегка наклоняется ко мне незаметно для окружающих. Опускаю руку между нами – так, чтобы коснуться его мизинца своим.

– У меня тоже.

---

¹⁸ Бабушка (ивр.).

Глава 6

Около десяти тридцати мы наконец собираемся: предстоит ехать полтора часа обратно в Куантико, а затем еще полчаса в Манассас, где живет большинство из нас, и в Фэрфакс, где живет Кирни. Когда мы решаем, что спать в офисе разумнее, чем возвращаться домой, на нас кричат.

Касс – в такое позднее время она определенно Касс, пусть и формально мы еще на службе – бредет во двор Мерсеров. Через несколько минут Брэн и я следуем за ней. Лучше – проще – ждать Мерседес у машины, но когда все насторожены и напуганы, слоняющиеся рядом с большим черным автомобилем незнакомцы могут заставить людей изрядно понервничать. Вместо этого мы останавливаемся под уличным фонарем: хорошо освещенные и безобидные – настолько, насколько может выглядеть группа вооруженных усталых федеральных агентов.

В ожидании, пока Мерседес закончит дела в доме, я распускаю пучок волос в попытке облегчить постепенно накопившуюся за день головную боль. Она определенно вызвана и тяжестью прически. Брэн – кажется, не осознавая этого – протягивает руку и кладет ее мне сзади на шею: большой и указательный пальцы массируют напряженные мускулы.

С трудом сдерживаю стон; Касс чихает от смеха. Если верить Мерседес, именно из-за этой привычки она получила в академии прозвище Котенок. Однажды – *только однажды* – я поинтересовалась, почему Котенок, а не Кошка, и едва Мерседес успела выпалить, что Касс – такая милая карманная кошечка, как упомянутая карманная кошка начала гоняться за ней по офису. Кто-то из другой команды – понятия не имею, кто именно – тем же вечером сделал и поставил на стол табличку «Котенок Кирни (карманный, для вашего удовольствия)». Касс терпеть ее не может, но табличку передают по кругу, соревнуясь, кто сможет незаметно поставить ее на стол Кирни. И как скоро Касс это заметит.

– *Deberia haber sido una noche de tequila*¹⁹, – вздыхает Мерседес, подходя к нам.

– Но не сложилось.

– Не сложилось, – соглашается она. – Думаю...

– Агент Рамирес!

Мы все четверо поворачиваемся в сторону дома, рука Брэна слетает с моей шеи. С крыльца спускается женщина и идет к нам.

– Прошу прощения, агент Рамирес, я хотела лишь спросить...

Она застывает при виде меня и прикрывает рот дрожащей рукой. Затем внезапно с воплем набрасывается на меня, сгребает в объятия и начинает рыдать.

– Алиса Мерсер, – бормочет Мерседес. Ненужное, кажется, пояснение.

Крепко обнимаю плачущую женщину. Даже не пытаюсь ничего сказать – говорить нечего. *Прошу прощения за то, что у меня ужасающее сходство с вашей пропавшей дочерью? Прошу прощения за то, что вы смотрите на меня и гадаете, доживет ли ваша дочь до взрослого возраста и станет ли кем-нибудь? Прошу прощения за то, что вы будете смотреть на каждого светловолосого ребенка и отчаянно желать, чтобы ваша маленькая девочка оказалась дома в безопасности?* Говорить просто нечего.

Мужчина – вероятно, ее муж – спускается с крыльца следом, подходит и пытается отцепить от меня жену, мягко трясая ее за плечи. Мерседес помогает, и вдвоем они уводят мать Бруклин обратно к дому, помогая по-прежнему плачущей и спотыкающейся Алисе подняться по ступенькам и зайти внутрь.

Брэн и Касс смотрят на меня. Как и Уоттс, стоящая в нескольких футах рядом с усталым капитаном Скоттом, который в конце подъездной дорожки вводил в курс дела ночную смену.

¹⁹ Это должна была быть ночь текилы (исп.).

– Да-да, все понимаю. Зря я сюда пришла.

Касс повторно чихает и склоняет голову, чтобы скрыть веселую искорку в глазах.

– Стерлинг, для тебя найдется предостаточно работы в офисе, – говорит Уоттс. По крайней мере, она пытается выглядеть сочувствующей. – Мы получили множество информации, в которой надо разобраться.

Через несколько минут возвращается Мерседес, еще более усталая, чем прежде.

– Теперь домой? – с надеждой спрашивает она.

– Домой, – отвечает Брэн и выпроваживает нас к автомобилю. Он машет рукой Уоттс, которая кивает ему, пожимает руку капитану Скотту и бредет к машине.

– Мерседес, можно сегодня переночевать у тебя? – Касс пристегивается, сбрасывает туфли и сворачивается калачиком на сиденье. – Не хочу тащиться обратно в Фэрфакс.

– Конечно. Пожалуй, стоит ехать не через Куантико, а сразу в Манассас – сэкономить время, которое все равно провели бы в офисе. А утром отправиться обратно в Ричмонд, устроит?

– Всех, кроме Элизы, – отвечает Касс и морщит нос, заметив, что я показываю ей язык. Знаю, что могу достичь многого за столом, но предпочла бы работать в поле со своей командой.

– *Mierda*. Твоя машина в Куантико? – спрашивает Мерседес. Качаю головой.

– Она возле дома, – отвечает ей Брэн.

– Хочешь сказать – возле Дома? – невинно спрашиваю я, делая ударение на нужном слове.

День выдался долгий и эмоционально напряженный. Вероятно, поэтому никого не удивляет, что Мерседес сразу же слегка слетает с катушек. Просто не выдерживает: бьется головой об окно и смеется до слез. Это вызывает цепную реакцию у Касс, но она утыкается головой в спинку сиденья, и ее толком не слышно.

Брэн смотрит на меня – как я закусываю губу, чтобы сохранить серьезное выражение лица, – вздыхает и заводит машину.

За девятнадцать лет, прошедшие со своего перевода в Куантико, он сменил немало адресов, и все это были квартиры. Наконец пять месяцев назад Брэн купил дом. И не просто заурядный дом, а Дом – прямо за коттеджем Мерседес. У них общая граница. Они спорят, кому присматривать за уличным камином у заднего крыльца Эддисона, и могут переговариваться, буквально не выходя за двери и практически не повышая голоса.

Когда Брэн Эддисон наконец решил обосноваться на одном месте, то купил Дом по соседству с напарницей, к которой относится как к сестре.

Тем не менее он не может заставить себя называть его домом. Дом для него – это Манассас в целом или, точнее, то место, где в данный момент находятся большинство товарищей по команде. Дом – это люди, а не место. Кроме тех случаев, когда Брэну хочется зарыться лицом в свой матрас и не двигаться, но матрас все же маловат, чтобы быть домом. Да и «своим» Эддисон его не называет. Уже пять месяцев говорит «Дом», потому что не может заставить себя сказать «мой дом».

Мерседес со своим достойным попасть на открытку коттеджем и Касс с двухквартирным домом, который делит с кухней, находят это очень забавным. Даже Вик невольно хихикает каждый раз, когда упоминает «Дом». Явственно слышатся заглавные буквы. И наша команда не была бы нашей командой, если б нам было на это плевать.

Но поскольку Брэн – замечательный человек, даже когда ведет себя как сукин сын, он добродушно игнорирует смех за спиной и заруливает в автозакусочную, чтобы подкрепиться: после завтрака у нас не было во рту ни крошки. Когда Илай Коперник предлагал свои сэндвичи, было не до них, к тому же они моментально закончились.

Первую половину поездки занимаемся тем, что сверяем сделанные заметки: информации для сравнения удручающе мало. Бруклин Мерсер не исчезла с лица земли по пути домой, но, по нашим сведениям, словно испарилась. Усталость берет свое, и мы меняем тему разговора.

Когда добираемся до жилища Брэна, Мерседес и Касс сонно бормочут «пока», выходят через заднюю дверь и бредут по двору к коттеджу Мерседес. Мы с Брэном стоим возле машины и смотрим, пока в доме не загорается свет.

– Утром появишься в офисе или сразу отправишься в Ричмонд? – спрашиваю я тихим – а как иначе после полуночи? – голосом.

– Появлюсь, – отвечает он. – Касс понадобится одежда из ее сумки, а Ивонн должна подготовить для нас новую информацию.

Прислоняюсь к нему, чувствуя, как Брэн опирается о стену, и несколько минут мы просто стоим, прижавшись друг к другу. Запах его одеколона почти выветрился, но остался на воротничке: знакомый, уютный и захватывающий в не совсем приличествующем смысле, учитывая, какой выдался день. Успокаивающий и волнующий одновременно. Только с Брэном я испытывала подобное чувство. Его рука ложится мне сзади на шею, разминая напряженные мускулы. Упираюсь ему в ключицу подбородком – пожалуй, это единственное, что помогает мне удерживаться в вертикальном положении.

– Заночуешь? – бормочет он.

Чтобы покачать головой, мне требуется больше усилий, чем следовало бы.

– Нет, если только ты не хочешь этого. Думаю, нам лучше ночевать порознь, учитывая...

– Наверное, ты права.

Ни один из нас не шевелится, если не считать его руку, по-прежнему массирующую мою напряженную шею.

– Ты как бы в порядке? – шепчу я ему в рубашку. Не «в порядке», а «как бы в порядке».

– У меня все будет нормально.

Это не то же самое, что «да». И это та черта, которую мне не хочется переступить. Несмотря на три года свиданий и четыре года совместной работы, между нами все еще остаются границы, буквально кричащие: НЕ ТРОГАЙ! Ни один из нас старается не поднимать проблему Фейт. Или у него не окажется другого выхода, как заговорить о ней, или мы не коснемся этой темы. Даже в такой ситуации, как сейчас.

– Ненавижу, что не могу ответить на их вопросы, – вскоре произносит Брэн. – Вчерашний вечер и сегодняшний день – не худшие в их жизни. Худший – завтра, когда первоначальный шок пройдет и они в полной мере осознают случившееся и испытают страх. В первый день все ужасно. Во второй...

Прижимаюсь губами к трепещущему под его кожей пульсу и жду продолжения.

– Во второй день все реально.

– Как думаешь, Дэниел Коперник еще обратится к тебе?

– Пока не станет. Может быть, потом, если мы быстро отыщем Бруклин. Может быть, никогда. Ему есть о ком позаботиться: Ребекка и родители.

– Однако он уже никогда не станет прежним, верно?

Брэн не отвечает. В этом нет необходимости.

В конце концов он резким движением прислоняется прямо к стене, а другой рукой поглаживает мои волосы. Позволяю себе немного забыться; выросшая за день щетина на его подбородке царапает мне висок. За этим следует поцелуй – нежнее, чем я ожидала, учитывая... ну всё. Баюкает в руках мою голову, словно я что-то ценное, хрупкое. Не могу не задаться вопросом, какая же ярость кипит внутри его, что Брэн вынужден вести себя настолько осторожно.

– Постарайся выспаться, ладно? – прошу я, когда приходится оторваться друг от друга, чтобы отдышаться.

– Ты тоже. И прошу прощения за завтра.

– Хочешь сказать – за сегодня?

Он слегка улыбается – лишь небольшое подергивание губ. Но хоть что-то.

– Бывает, – говорю я. – Ивонн обеспечит массу сырой информации для анализа, а мне очень хочется выяснить, подавали ли дедушка и бабушка Бруклин какие-то иски, связанные с внучкой. У меня хорошо получается аналитическая работа. От того, что я сижу в офисе, мы ничего не теряем, а другие люди чувствуют себя комфортнее.

– Тем не менее. Я знаю, ты ненавидишь, когда твоя внешность мешает расследованию.

Начальник нашего отдела – босс Вика – отчитал Эддисона за непрофессиональный вид, когда Брэн чуть-чуть отрастил волосы. Не длинные или даже патлатые – просто темные кудри, слегка развевающиеся при ходьбе. Другими словами, все стало именно так, как мне нравится, потому что – охотно признаю – питаю слабость к его кудрям. Брэн не стал спорить с главой отдела. Но и волосы не укоротил. С вечерней щетиной он разбирается в шесть утра: ненавидит как бритве, так и саму мысль отрастить на лице растительность. В течение всей своей службы Брэн шел по тонкой грани между приемлемым и непрофессиональным, но его внешность имела значение только для карьеры. На ход самих дел она не влияет.

Тем не менее Эддисон понимает, почему внешность так волнует меня. И Мерседес понимает – Мерседес, которая никогда не выходит из дома без идеального макияжа, потому что тот прикрывает два неровных шрама внизу щеки, нанесенных в детстве разбитой бутылкой. Потому что есть разница между тем, чтобы не стыдиться шрамов, и выставлением их напоказ, для комментариев всех и каждого.

Брэн снова целует меня и провожает до машины, оставаясь на подъездной дорожке, пока я благополучно не уезжаю. До поворота все еще вижу его в зеркале заднего вида.

Мой дом неподалеку, чуть больше пятнадцати минут езды, если соблюдать все правила дорожного движения. Что бы ни говорили напарники, я вожу благоразумно, если только текущее дело не требует спешки. Когда нам нужно было добраться куда-то, где следовало оказаться пять минут назад, экс-лидер моей команды Финни слегка зеленел – до тех пор, пока не получил повышение и ему больше не пришлось ездить со мной. Но какой бы ужас он ни испытывал, я ни разу не попала в аварию, не причинила ущерб машине или пассажирам. Думаю, этим можно немного гордиться.

Проверяю почту, выбрасываю большую часть писем в мусорную корзину для корреспонденции и поднимаюсь наверх. Зайдя в квартиру, не утруждаю себя включением света. Я часто прихожу домой такой уставшей, что тело инстинктивно знает маршрут – зрение не нужно. Сумки и ключи у двери, пистолет у дивана в сейфе, замаскированном под журнальный столик, в кухне электрочайник на таймере.

Переодевшись в пижаму, умываюсь и чищу зубы, затем залезаю в стенной шкаф достать одежду на завтра – уже сегодня – и немедленно спотыкаюсь об обитающий в углу и как будто растущий пакет с платьем. С рычанием пинаю его, но, что предсказуемо, удовлетворения пинок не приносит. Лежи в пакете хоть восемь миллионов пудов тюля и атласа, тверже он не станет.

Платье.

Со Свадьбы, Которой Не Было.

Оно обитает в углу шкафа, и каждый раз, когда почти принимаю решение, как именно от него избавиться, я передумываю. Каждый раз, когда почти готова расстаться с ним, что-то говорит: «Нет, еще рано».

Знаю, что есть причина, по которой я храню Платье. Только не знаю, в чем она заключается. Но, независимо от нее, платье мне зачем-то нужно. Или, быть может, это болезненное, но приятное напоминание о том, чего я успешно избежала: привязь, не дающая повторить ту же ошибку.

Не знаю, в чем дело.

Я повстречала Клиффа в церкви, когда еще жила рядом с родителями и позволила матери уговорить меня сходить на несколько собраний-знакомств для одиноких молодых людей. Хороший еврейский мальчик, чья мать – из тех очень немногих, кого моя необычайно заносчивая родительница может назвать друзьями.

Это было единственным, что радовало мою мать. Она ненавидела мою будущую профессию в колледже, ненавидела мою работу, ненавидела то, что я живу не с ней, а с аба²⁰. Но была так счастлива, что я встречалась с хорошим еврейским мальчиком, поддерживала с ним отношения, пусть и не будучи полностью уверенной, что он мне по-настоящему нравится... Я его терпела. А потом Клифф сделал предложение: когда наши родители сидели за одним столом, он встал на колени, достал кольцо и привлек внимание практически всех посетителей переполненного ресторана. Мы не заводили речи о свадьбе. Даже встречались меньше года. Но он сделал предложение перед столькими людьми, что я не могла заставить себя отказать. Не при таком всеобщем внимании. Не под таким давлением.

Мать была на седьмом небе от счастья. Она и Клифф настаивали на немедленных приготовлениях к свадьбе. Выбрать место проведения, фотографа и кейтерера²¹, отложить деньги на всё это. Купить платье.

Платье.

Я была не готова, но они настаивали, и мне казалось, что сказать «нет» невозможно. Что во мне что-то не так, если я не хочу свадьбы и не готова к ней.

Может быть, поэтому Платье остается со мной. На меня надавили купить его, прежде чем я была готова, и поэтому я держусь за него, пока не буду готова расстаться с ним. Пока не решу, что готова – я, а не кто-то другой.

Пусть друзья и мягко подталкивают избавиться от него.

Бормоча под нос ругательства, засовываю пакет еще дальше в угол и быстро перебираю пиджаки и блузки в поисках подходящего сочетания на утро, чтобы потом не беспокоиться об этом. Когда пытаюсь заснуть, все не могу выбросить Платье из головы.

У кого-то есть монстр под кроватью или кошмар за комодом. У меня же Платье в Шкафу и давнее отвращение к себе за то, что я так легко позволила собой манипулировать и заставить делать нежелаемое. Даже если ты получила шрамы, успешно избежав чего-то, они остаются шрамами. Бруклин еще предстоит узнать это, если сумеем отыскать ее вовремя.

---

²⁰ Отец (ивр.).

²¹ Кейтеринг – услуги по приготовлению, доставке пищи, сервировке, оформлению стола и т. п.

Глава 7

Приезжаю в офис почти в пять утра, в конце концов бросив попытки заснуть. И я не одна такая – трое остальных появляются минут через двадцать: Брэн и Мерседес ведут под руки шаркающую ногами в зомбиподобном состоянии Касс. Они похожи на родителей, пытающихся отвести ребенка в школу.

Мерседес отпускает руку Касс, чтобы поднять ее сумку из-под стола. Брэн поддерживает Касс в вертикальном положении до возвращения Мерседес, которая снова принимает всю тяжесть тела напарницы на себя. Затем он глотает остатки кофе и ставит пустую кружку на стол. Зная Брэна, уверена: крепость его напитка такова, что хватило бы покончить с большинством здоровых людей, и это наверняка не первая кружка за сегодня. Пусть я и переняла немало дурных привычек с тех пор, как присоединилась к ФБР – и переехала в Куантико, – разбавление крови кофеином в их число пока не входит.

– Сейчас вернемся, – говорит Мерседес жизнерадостным тоном, который после почти бессонной ночи должен быть запрещен законом, и ведет Касс в уборную.

– *Métela en la bañera de una vez y abre el agua*²², – ворчит Брэн.

– *Si no lo hago contigo, no lo haré con ella tampoco*²³.

– *Pero a mí si me lo has hecho*²⁴. – Мерседес отпихивает Брэна свободной от удерживания Касс в равновесии рукой.

– Знаете, из-за постоянного нахождения в вашем обществе мне пришлось выучить испанский, так что я все поняла. – Присаживаюсь на краешек стола и делаю глоток чая. – Иногда мне кажется, что лучше оставаться в неведении.

– Но тогда ты не сумела бы отправить моей матери то чудесное письмо, написанное на испанском вперемешку с итальянским.

– Я, наверное, возненавижу тебя.

– Она повесила его в рамочку и все такое.

Брэн разбирает стикеры, которые скопились на краю его монитора со вчерашнего дня. Большинство просто выбрасывается. Через секунду он подходит уже без стикеров, поднимает меня с места, быстро обнимает и целует в щеку. Это больше, чем мы обычно позволяем себе на службе. Отчасти по личным предпочтениям, отчасти по настоятельной просьбе отдела кадров, когда мы проинформировали его, что начали встречаться.

Кругом практически никого, не считая нас, а взгляд в сторону других кабинетов показывает, что там не горит свет, так что я дотрагиваюсь до синеватых мешков под глазами Брэна.

– Ты вообще спал?

Он дергает за кончик моей плохо заплетенной косы, отчего резинка сбивается.

– А ты?

– Нет.

– *De cualquier manera, no dorminos mucho*²⁵. Повернись.

Сажусь обратно на стол, приподнимаю ноги и разворачиваюсь, демонстрируя спину. Слышу скрип открывающегося и закрывающегося верхнего ящика, а через секунду пальцы Брэна встряхивают остальную часть косы. Он медленно расчесывает ее, уделяя особое внимание колтунам, которые я проигнорировала дома – слишком устала. Ощущения потрясающие: не только от легкого почесывания головы зубцами гребня, но и от пальцев Брэна, перебира-

---

²² Окуни ее разок в раковину и открой кран (исп.).

²³ Я не поступаю так с тобой, так что и с ней не стану (исп.).

²⁴ Но со мной-то ты так поступала (исп.).

²⁵ В любом случае мы оба не слишком выспались (исп.).

ющих мои волосы или прикрывающих уши. Через несколько минут гребень падает мне на колени, затем следует нежное потягивание за косу. Зеркало не требуется – и так знаю, что моя голландская коса стала аккуратной и тугой, каждая прядь плотно уложена на место. Эддисон сохранил навыки, полученные от проживания с сестрой на восемь лет младше – не давали забыть их и лучшие подруги Брэна, и почти каждая женщина, которую он впускал в свою жизнь. Даже Мерседес просит его помочь с прической для особо важных свиданий.

Мерседес приводит сухую по большей части Касс – только волосы, обрамляющие лицо, потемнели от сырости. Вероятно, ее пихнули головой в раковину с водой. Мне довелось испытать такое после одного незабываемого похода в бар.

В отличие от меня, эта процедура, похоже, не слишком оживила Касс.

– Наверное, пойду в конференц-зал, – говорю я им. Они заняты разбором содержимого своих сумок. – Мобильный со мной, но и внутренняя связь должна работать большую часть дня.

– На это есть какие-то конкретные причины? – спрашивает Мерседес.

– Буду меньше бросаться в глаза, чем сидя здесь. Я не стыжусь и не падаю духом от того, что остаюсь в тылу, это вполне логично. Но я знаю, что рядом будет Андерсон – он нагружен дополнительной бумажной работой с последнего семинара по борьбе с домогательствами, который ему пришлось посетить. Так зачем давать повод для острот?

– И почему ни одна из вас до сих пор не прикончила его? – вздыхает Брэн. – Уверен, каждая женщина на нашем этаже обеспечила бы тебе алиби.

– Вот именно, – отмахивается Мерседес. – Это выглядело бы слишком подозрительно.

Входит Уоттс с дымящейся кружкой и целой коробкой протеиновых батончиков в обертках. Поставив кофе на стол, она открывает коробку, бросает каждому из нас по батончику и приказывает:

– Ешьте.

– Вам удалось поспать? – спрашиваю я.

– А хоть кому-то удалось? Мои ребята уже на пути в Ричмонд: я велела им сразу направляться туда.

Но по какой-то причине она пришла сюда. Ждем логической развязки.

– Мне пришло электронное письмо от штатных психологов, – бормочет Уоттс с набитым половиной батончика ртом. – Они хотят, чтобы Эддисон оставался здесь вместе со Стерлинг и занимался аналитикой.

– Я ничем себя не дискредитировал, – немедленно протестует Брэн.

– Все-таки немножко дискредитировал. Не настолько, чтобы отстранить тебя от дела, и они в любом случае не настаивают на этом. Но вчерашний день выдался для тебя тяжелым. Я все видела. И твоя команда видела – неважно, готовы они признать это или нет.

Брэн обегает нас взглядом. Касс смотрит ему в глаза, разворачивает батончик и запикивает целиком в рот, чтобы не отвечать.

– Психологи не пытаются наказать тебя, – продолжает Уоттс, когда становится ясно, что мы ничего не ответим. – Однако они обеспокоены, как скажется продолжение расследования на твоём самочувствии. И, должна заметить, если ты останешься здесь со Стерлинг, все будет выглядеть, словно просто не повезло, а не как будто вам приказали сделать это.

Брэн несколько раз вяло протестует – больше для проформы. Он опирается о мой стол. Наблюдаем, как Касс и Мерседес уходят вслед за Уоттс: им в Ричмонд.

Уже возле самого лифта Уоттс оборачивается и просовывает голову в стеклянные двери офиса:

– Эддисон, не давай Стерлинг раствориться в пустоте. Вынуждай ее всплывать на поверхность время от времени.

– М-м-м... я постараюсь изо всех сил, хорошо?

Троица исчезает из виду. Мы с Брэном еще немного сидим на моем столе в не совсем комфортной, но, по крайней мере, привычной тишине.

– Прошу прощения, – в конце концов шепчу я.

Он пожимает застывшими от напряжения плечами.

– Что есть, то есть... Все еще хочешь пойти в конференц-зал?

– Да. Не хочу сегодня общаться с людьми, которые не работают с этим делом.

– Ты не забыла, что сегодня суббота, нет?

– Это означает только то, что большинство придут не раньше десяти или около того.

Брэн со вздохом признает мою правоту. Собираемся и направляемся в конференц-зал – уже как Эддисон и Стерлинг. Ивонн – наш увлеченный технический аналитик команды – появляется около шести тридцати с коробкой пончиков и затравленным выражением лица. У нее есть персональный кабинет, где стоят сверхмощные компьютеры – они защищены лучше тех, что в наших каморках. Но сегодня она идет сразу в конференц-зал и вываливает свои вещи на стол.

– Можно мне сегодня поработать здесь?

– Конечно, – медленно говорю я, отодвигая свой ноутбук, чтобы скрестить руки на столе. – Тебе нужно все рабочее пространство или же...

– Нет, я имела в виду – поработать с тобой. Сегодня мне нужен живой контакт с людьми.

– Хорошо, а в чем дело?

Ивонн закрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Она всего на год старше моей дочери.

Черт. Верно.

– После второй дозаправки сопрем «Кериг»²⁶ Вика, – сообщаю я ей, выразительно глядя на ее желтую кружку.

Она невольно издаст смешок и извлекает несколько предметов из своего огромного, замаскированного под сумочку мешка:

– Мне надо кое-что забрать из кабинета. Сейчас вернусь.

Эддисон следует за ней – помочь с переноской вещей. Минут через пятнадцать они возвращаются с двумя мониторами и сумкой для ноутбука, из которой торчат кабели и провода. Помогаю Ивонн разобраться с ними и устроить комфортное рабочее место на краю ближнего к двери стола. Эддисон немного сдвигает в сторону наши вещи, чтобы освободить пространство. Из всех членов команды только мне позволено помогать Ивонн с электронной работой: по ее словам, я единственная, кто способен управляться с вещами сложнее смартфона.

Иногда Эддисона охватывает усталость или безрассудство, и он задает ей какой-нибудь по-настоящему глупый вопрос. Ее пошаговые инструкции, отличающиеся покровительственно-оскорбительным тоном, потрясающи.

Когда последний провод оказывается на своем месте, Ивонн включает систему. Пока компьютер грузится, она роется в коробке с пончиками, кладет пару из них на салфетку и протягивает мне:

– С кленовым сиропом и с беконом. Должны быть еще теплыми. – Она подмигивает мне. Пытаюсь улыбнуться, однако получается, наверное, не очень, учитывая, что большая часть пончика уже во рту. – Жуй, Стерлинг. Люди прожевывают еду.

– Есть, мэм, – бормочу я.

– А также не разговаривают с набитым ртом. Он дурно на тебя влияет.

Эддисон отрывается от внимательного созерцания оставшихся в коробке пончиков:

– Эй!

Хихикаю и пытаюсь проглотить.

---

²⁶ Марка кофеварки.

– Спасибо за пончик.

– М-м-м...

Откидываюсь на спинку стула и слизываю с пальцев сироп. Они немного соленые и жирные от бекона, против чего я совершенно не возражаю. Один из тех редких случаев, когда я не испытываю чувства вины за любовь к свиному бекону.

Эддисон одаряет нас обоих косым взглядом, плюхает на салфетку два пончика с шоколадной глазурью и садится на место.

– С чего хочешь начать? – интересуется Ивонн.

– Поступил ли отчет за прошлый вечер от капитана ночной смены? – спрашивает он.

Ивонн смотрит на монитор, прежде чем ответить:

– Нет, но ночная смена закончится только через несколько минут. Полагаю, мы получим все в течение часа, если только Уоттс не свяжет нас с ним для устного отчета.

– Дальше надо рассортировать отчеты по преступникам, стоящим на учете; уточнить, не упустила ли из виду школьная администрация пятна в чьей-нибудь биографии, и проверить родителей Фрэнклина Мерсера. Я предпочел бы заняться Мерсерами.

– Беру отчеты на себя, – говорю я.

– Значит, мне остается школа. – Ивонн качает головой, пышные локоны скользят по ее шелковой блузке персикового цвета. – Ладно. Напомните, почему мы выбрали эту профессию?

– Чтобы помогать людям.

Наклоняюсь к Эддисону и касаюсь телефона Ивонн. Экран подсвечивается, показывая фоновый рисунок: четверо улыбающихся детей прижались друг к другу головами, чтобы войти в кадр.

– Чтобы сделать мир более безопасным местом.

– Напоминай мне об этом несколько раз на дню, ладно?

– Конечно.

Ивонн включает проигрыватель на одном из мониторов: мелодия достаточно тихая, чтобы не мешать беседе и звонкам, но достаточно громкая, чтобы заполнять пространство и тишину, которая возникает при погружении в работу. Несколько агентов заходят, чтобы заняться бумажными делами или получить какую-то информацию. В ФБР не всегда есть такое понятие, как выходные, особенно в САС, так что в течение дня появятся и другие сотрудники.

Ивонн собрала данные по преступникам Ричмонда, стоящим на учете, и рассортировала по видам нарушений. Теперь моя очередь: просмотреть сведения и понять контекст. Когда пропадает ребенок, о неприкосновенности частной жизни не может быть и речи, и это относится не только к родителям. Следствие ставит на уши весь квартал и окрестности, вникая в малейшие подробности биографий людей в попытке отыскать ребенка – хочется надеяться, живым и невредимым.

На улице, где живет Бруклин, нет ни одного преступника, однако в ее квартале живут трое. Все они обитают слишком близко к школе, чтобы оказаться совершавшими насилие в отношении детей, но я все равно просматриваю данные. Один мужчина во время особенно сильного приступа неприятных воспоминаний разделся и пробежался голым по дому престарелых, в котором работал. Спрятался под кроватью восьмидесятилетней женщины и всхлипывал, бормоча что-то насчет препарирующих его изнутри инопланетных муравьев. Некоторые обитатели и сотрудники пансионата, конечно, перенервничали, но для других, судя по полицейским отчетам, это оказалось самым забавным происшествием в жизни. Как и для самих полицейских. Несмотря на попытки придерживаться официального тона, было ясно, что они ржали от души.

Публичное обнажение делает человека преступником, и этот невезучий стрикер²⁷ живет ближе всех к Мерсерам, всего через две улицы. Сочувствовали ему коллеги или нет, но он больше не работает ни в пансионате, ни с пациентами вообще. По последним данным, трудится в страховой компании, обрабатывая медицинские счета.

На соседней с ним улице проживает женщина, уличенная в проституции в одном из штатов, что делает ее преступницей. И этот статус сохранился с переездом в Вирджинию. Впрочем, обвинения давние, никаких намеков на рецидив. Кроме того, проститутки намного, намного чаще становятся жертвами преступлений на сексуальной почве, а не наоборот.

А вот на бывшей окраине, где до начала работ по благоустройству квартала пространства между домами было больше, живет мужчина, который большую часть пребывания в колледже насильствовал одноклассниц. Пока его в итоге не судили, не признали виновным и не исключили – именно в таком порядке. Он был осужден по двум делам, проходил по пяти и подозревался еще в четырнадцати. Частично отбыв срок, вышел и затем попал под арест еще дважды. В первый раз обвинения сняли, потому что работодатель молодой женщины надавил на нее, не желая публичной огласки, а во второй раз дело закрыли, поскольку вещественные доказательства были непрофессионально собраны и по большей части уничтожены. Однако всем доказанным и предполагаемым жертвам было за двадцать, даже когда преступник стал старше. Значит, его нельзя подозревать в пропаже Бруклин. Хотя я все равно с удовольствием закопала бы его.

Ближе к нашему делу: во всем Ричмонде живут буквально десятки, если не сотни обвинявшихся в преступлениях против детей, и информацию по каждому надо обработать. Прделав половину работы, стукаюсь лбом о стол и мысленно желаю, чтобы от удара родилась какая-нибудь гениальная идея. Идея, которая окажется ключом к разгадке всего дела, – ниточка, что приведет нас прямо к Бруклин.

– Кажется, я где-то читал, что такое поведение вредно для здоровья.

Вздыхаю и еще несколько раз стукаюсь об стол, уже мягче.

– Доброе утро, Вик.

– Выше нос, Элиза. Уже около полудня – время ланча.

– Ланча? Серьезно?

Неохотно сажусь за стол – скорее из-за дразнящего запаха еды, чем из-за приказа. Похоже, у нас суп и сэндвичи с приправой в виде сурового, но нежного взгляда Вика.

– У тебя фантастическая работоспособность, но постарайся адекватнее оценивать ситуацию, – говорит он, протягивая мне бумажный стаканчик и что-то завернутое в бумагу. – Я заходил проверить тебя несколько часов назад.

– Разве?

– Элиза, я задавал вопросы, и ты на них отвечала.

– Хм.

Ивонн фыркает и катится на стуле на колесиках вдоль овального стола, пока не оказывается рядом со мной; ее еда находится на безопасном расстоянии от компьютеров.

– Ты та самая девочка, которая читала во время футбольных матчей, верно?

– Нет, я девочка, игравшая на трубе в оркестровой форме, от которой зудела кожа.

– Играешь на трубе?

– Больше не играю.

Разворачиваю сэндвич. Ух ты, индейка и бекон.

– А если спросить моего преподавателя музыки, то и тогда не играла по-настоящему.

Эддисон проглатывает кусочек сэндвича. Листик салата прилипает к уголку рта.

– Не волнуйся, Вик. Ей дали перекусить и спасли от обезвоживания.

– Разве? – повторяю я.

---

²⁷ Появляющийся в общественном месте в нагом виде.

Ивонн хихикает и особо не пытается это скрыть.

– Все, что ему нужно сделать, – сунуть тебе в руку чашку или кусок еды, и ты автоматически запихнешь это в рот. Потрясающе.

– И пугающе.

– Ну да.

Вик со своим обедом садится напротив. Совсем неудивительно видеть его здесь в субботу.

– Есть какие-нибудь многообещающие зацепки? – интересуется он.

– Пока нет, – отвечаю я. – Большинство кандидатур, по делам которых успела пробежаться, можно исключить: или потому, что они встали на путь исправления, или потому, что предпочитают совсем других жертв. Только горстка заслуживает более внимательного рассмотрения.

– Однако?..

– Мне тяжело поверить, что это преступление совершилось просто потому, что подвернулась такая возможность.

Вгрызаюсь в сэндвич, жуя медленнее обычного, чтобы дать себе время на раздумья.

– По всем данным, Бруклин – умный, осторожный ребенок. В одиночестве она вела бы себя еще осторожнее.

– Значит, думаешь, что она знакома с похитителем?

– Достаточно хорошо, чтобы узнать и, может быть, даже остановиться поболтать. Особенно если она кому-то помогала.

– Это указывает на то, что похититель проживает в ее районе.

– Может быть. Или, возможно, это кто-то из школы. Или связанный с «Брауни». Или кто-то из сослуживцев ее родителей, которого Бруклин уже встречала.

– Или бабушка с дедушкой, – бормочет Эддисон.

– Мы выяснили что-нибудь в этом направлении? – спрашиваю я.

– Без ордера не сможем, – отвечает Вик.

Давлюсь сэндвичем.

– Стоп... что-что?

– Ну не совсем так, но... Ее бабушка с дедушкой живут в Делавэре, так что Смиты, неезжая в Ричмонд, сразу отправились туда.

Смиты, члены команды Уоттс, работают в паре так долго, что перестали восприниматься как индивидуумы. Большинство агентов САС не сумеют назвать их имена даже под дулом пистолета. В тех редких случаях, когда возникает потребность их различить, обычно описывают их внешность.

– И?..

– Бабушка и дедушка Бруклин не пустили их даже в ворота. Сообщили через переговорное устройство, что их адвокаты в должный срок свяжутся с ФБР.

– Ты серьезно?

Эддисон лишь качает головой.

– Они должны понимать, что это вызовет еще большее подозрение.

– Отец Бруклин сообщил Уоттс имена адвокатов своих родителей, – продолжает Вик. – Она передала информацию Смитам, и тем удалось связаться с ними. Адвокаты сказали, что позвонят в понедельник и договорятся, когда Мерсеры-старшие выберут удобное для разговора время.

– В понедельник?

– А когда Смиты подчеркнули, что дело происходит в Ричмонде, а не в Делавэре, и что им пришлось специально ехать оттуда...

– Дай-ка угадаю: адвокаты сказали, что они могут преспокойно приехать снова.

– Помещаем их в категорию «склонен к побегу»? – спрашивает Ивонн; одна рука застыла над клавиатурой. В другой она держит одновременно полную ложку супа и сотовый. Надо попросить ее научить меня многозадачности.

– Мы можем вызвать их на допрос в качестве важных свидетелей, но не арестовать или держать под стражей, – объясняет Вик. – Однако можно попросить TSA²⁸ взять их на заметку. Уоттс уже сделала звонок и договорилась.

– Но мы лишь узнаем, что они купили куда-нибудь билеты, – возражает Ивонн. – Это не помешает им улететь.

– Они подавали документы на опеку? – спрашиваю я.

– Насколько я разузнал – нет, – говорит Эддисон. – Хотя это может просто означать, что их адвокаты подготовили документы, но еще не подали.

– Значит, если по каким-то причинам наши юристы сообщат, что мы не сумеем вызвать дедушку и бабушку Бруклин в качестве важных свидетелей, можем ли мы пригрозить им тем, что они препятствуют правосудию? Вдруг тогда они станут сговорчивее?

– Кроважидная девка, – ласково говорит Эддисон.

Ивонн закатывает глаза.

– Мне нравится, что ты находишь такое поведение столь очаровательным.

– А ты не находишь?

– Эддисон, продолжай копать информацию по Мерсерам, – говорит Вик. – Нарой, сколько можно без ордера. Возможно, они забрали Бруклин, возможно, нет, но их нынешние действия бессовестны. Если похитители не они, то они вынуждают нас тратить впустую ценное время – время, которого у их внучки, вероятно, нет. Элиза, когда ты разговаривала с Ребеккой, сложилось впечатление, что она что-то скрывает?

– Нет. Она отчаянно хочет, чтобы Бруклин нашли. Если б она сбежала из дома, сообщив подруге, что собирается сделать, Ребекка рассказала бы обо всем ее родителям, как только появилась полиция. Могу поверить, что она знает что-то, важность чего не осознает, но не думаю, что хранит какие-то секреты.

– Бедная девочка, – бормочет Ивонн.

– Стоит расширить поиск по реестру за пределы Ричмонда. – Я вздыхаю. – Как минимум в пределах Вирджинии, желательно также распространить его на Мэриленд и Северную Калифорнию. И нам надо порыться в базе ФБР.

– Ищем похищения со схожими жертвами?

– И убийства.

И Вик и Эддисон поворачиваются ко мне с серьезным видом. Ивонн делает резкий вдох.

– Естественно, мы не желаем такого исхода, но если существуют похожие дела, то о них следует знать. Мы понятия не имеем, какого рода жертвой является Бруклин.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Ивонн. – Какого рода жертва?

– Ее похитили потому, что в тот день она была легкой добычей? Потому, что соответствует определенному типу? Потому, что она – Бруклин?

– Ненавижу, когда расследование приближается к сорокавосьмичасовой отметке, – бормочет Эддисон.

Это ни в коем случае не правило, но есть своего рода... традиция? Конечно, не официальное правило, а эмпирическая закономерность: если не удастся разыскать пропавшего человека в первые сорок восемь часов после исчезновения, то стиль расследования меняется. Иначе никак: первые пара дней – безумная гонка изо всех сил. Такой темп нельзя поддерживать в долгосрочном расследовании.

Тем не менее это вызывает адскую депрессию.

---

²⁸ Администрация транспортной безопасности.

– Тут множество разных систем, с которых можно начать поиски. – Вик делает большой глоток чая с сахаром; между его глаз пролегает хмурая, задумчивая морщина. – Ивонн, о каком анализе ты рассказывала на прошлой неделе?

– На прошлой неделе я рассказывала вам обо всех новых аналитиках, потому что мы рассматривали их переводы.

– Я про ту, которая, как ты сказала, подает надежды, – поясняет он. Немножко поясняет: – Девочка-яблоко.

Я, уже собиравшаяся доест сэндвич, делаю паузу и отодвигаю его ото рта:

– Девочка-яблоко?

– Гала Андриеску, – отвечает Ивонн. – Мы решили придерживаться руководства по выживанию в САС, которое Рамирес написала для агентов-новичков, и начали ставить новых аналитиков в пару с более опытными. Мы сотрудничали всего несколько недель, однако у нее хорошее рабочее чутье.

– Она может прийти сегодня?

– Я позвонила и спросила ее, перед тем как пойти сюда. Ее жених перенес этим утром небольшую операцию, кто-то должен быть с ним. Гала отвезет его домой, потом кто-нибудь из его друзей посидит с ним, пока он не придет в себя. Она сказала, что прибудет примерно в час тридцать.

Эддисон отрывает взгляд от телефона.

– Смиты припарковались у ворот дома Мерсеров-старших. Прямо перед въездом, так что, если бабушка с дедушкой ждут гостей или курьеров, посетителям зададут вопрос, по какой причине агентам ФБР приходится отъезжать с места, чтобы впускать и выпускать их.

– Это законно? – спрашивает Ивонн.

– Пока они не запрещают вход и выход – вполне. Они занимаются открытым наблюдением за потенциальными подозреваемыми в деле похищения ребенка.

– Ох уж эти ваши лазейки...

– Лазейки – душа законов. – Эддисону удастся выговорить это, сохраняя серьезное выражение лица.

Ивонн смотрит на него тем же взглядом, каким одаривает своих сыновей-близнецов, и в ответ получает застенчивую улыбку.

– У них есть ноутбуки и точка доступа, так что они вызвались заняться биографией Мерсеров-старших.

– Чтобы ты могла заняться... – подсказывает Вик.

– Некрологами и свидетельствами о смерти, – предлагаю я.

Эддисон задумывается на секунду, затем кивает.

– Не все похищения детей, подходящих под определенный типаж, носят сексуальный характер. Если Бруклин подходит под типаж, то похитителем мог быть кто-то, лишившийся своего ребенка.

– Хорошо. Я сообщу об этом Уоттс и скоро приду вас проведать. – Вик встает, собирает весь мусор, выходит из конференц-зала и направляется к своему кабинету.

Ивонн поворачивается и смотрит на нас.

– Он ведь понимает, что реально не работает над этим делом, верно?

Эддисон лишь ухмыляется. Как руководитель группы Вик, работает над каждым делом, которое посчитает достаточно важным. Он попросту игнорирует правило «больше-не-работать-в-поле» и любые подобные запреты. Мы – его люди; эти дела – его. Просто иногда он предпочитает не столь пассивную роль наблюдателя.

Вошедшая Гала оказывается двадцатидвухлетней девушкой с волосами ярких сине-зеленых оттенков, очками «кошачий глаз» со стразами и протяжным джорджианским²⁹ акцентом, которого я совсем не ожидала от обладательницы фамилии Андриеску.

– Я бы сказала «рада знакомству»... – начинает она и пожимает плечами, вместо того чтобы закончить фразу.

– Не беспокойся – у нас так принято.

Гала трясет руку Эддисона, смотрит мне в глаза и подмигивает. Мы с Ивонн отворачиваемся, чтобы подавить смешок. О, она мне уже нравится.

В Эддисоне есть нечто такое, от чего у молодых агентов женского пола подкашиваются ноги. Даже я понятия не имею, в чем дело, потому что хоть он и является моей кошачьей мятой, моей приманкой, но стал ею постепенно, после года совместной работы и двух лет рассказов о нем нашей общей подруги Прии. Он привлекателен на манер «грубоватого мужика», авторитетен и компетентен одновременно, но в отделе есть и другие парни, подходящие под это описание. Тем не менее только от Эддисона агенты-новички падают в обморок. Мерседес считает, что дело в излучаемой им ауре задумчивости и уязвимости. Марлен, мать Вика, щиплет Брэна за щеку и говорит, что дело в уважительном отношении ко всем женщинам в его жизни.

Быть может, Гала иммунна к тому-чем-бы-это-ни-было потому, что у нее есть жених – хотя других это не останавливало, – но мне это нравится.

Ивонн помогает напарнице установить очередной компьютер с несколькими мониторами и объясняет критерии отбора, которые я записала на нескольких страницах, вырванных из любимого желтого блокнота нашего техника-аналитика. Слушаю их обсуждение вполуха на тот случай, если понадобятся пояснения.

Эддисон потягивается рядом; его позвоночник издает такой хруст, что он вздрагивает.

Я тру глаза и отодвигаю стул от стола.

– Сейчас вернусь, – сообщаю остальным. – Просто надо немного прогуляться.

– Самое время, черт побери, – с вызовом говорит Ивонн, игнорируя полуобеспокоенный-полуодобрительный взгляд Галы.

Эддисон ненадолго превращается в Брэна и на секунду прикладывает мою руку к щеке.

Каждая частичка тела ноет от долгого сидения, и хотя от движения часть мускулов вздыхает с облегчением и расслабляется, другие в знак протеста напрягаются. Мы давно пытаемся убедить Брэна поставить у себя джакузи, однако он до сих пор слишком нервно относится к Дому, чтобы что-то в нем менять. В конце концов, легко ли менять дом, который по ощущениям чужой?

Медленно спускаюсь по пандусу, растягивая каждый шаг. Если со стороны это смотрится так же абсурдно, как я сама чувствую, то оказавшиеся поблизости видят то еще зрелище. Продолжаю передвигаться странными растянутыми шагами мимо стеллажей. Но совсем недолго. На периферии сознания непрерывно и беспощадно тикают часы-дело. Легко представить, что каждая секунда, которую расходуешь на себя, – это секунда, которую отнимаешь у жизни пропавшего ребенка. Работая у нас, люди выгорают по многим причинам, и, как бы ни осуждали их коллеги из других отделов ФБР, сотрудники САС никогда не станут этого делать. Мы слишком хорошо понимаем суть своей работы, чтобы ощущать что-либо, кроме сочувствия к тем, которым в конце концов приходится ее бросить.

В итоге прогулка приводит меня к столу Эддисона. Когда речь заходит о порядке, я, бывает, придираюсь к мелочам, однако состояние его стола зачастую выбивает из колеи даже меня. Дела тщательно рассортированы и уложены в стопки, образуя башенки на заднем краю стола, возле ряда приземистых шкафов для документов, которые Эддисон поставил туда, когда

---

²⁹ Джорджия – штат в США.

унаследовал рабочее место от Вика. В каком-то смысле все выглядит еще более устрашающе, чем бардак или завалы.

Брэн не хранит дома личных фотографий – ни в прежней квартире, ни в Доме. Однако Эддисон держит на рабочем месте только два снимка, которые стоят рядом друг с другом на шкафу у стола. Тот, что поновее, – восьми-девятiletней давности. На размытом фоне виднеется огромный каменный бюст президента Авраама Линкольна с неудачно расположенной дыркой в шее. Возле одного плеча стоит Брэн, ухмыляясь и указывая на дырку. Возле другого – Прия Шравасты, делая то же самое. Вик, Брэн и Мерседес познакомились с Прией лет одиннадцать лет назад, когда ее старшая сестра Чави погибла от руки серийного убийцы. По словам Прии, они с Эддисоном нашли общий язык после того, как она швырнула ему в голову плюшевого медвежонка; оба горевали, злились на весь свет и тосковали по своим сестрам. Я познакомилась с ней шесть лет назад, когда убийца сестры начал преследовать и ее. Точнее, вновь стал преследовать. Прия со своей матерью Дешани жила тогда примерно в часе езды на юг от Денвера, из-за чего Финни, а следовательно, и я включились в расследование.

Другому фото, слегка пожелтевшему от времени в тех местах, где стеклянная рамка пропускала больше света, ровно двадцать пять лет. Шестнадцатилетний Брэн в джинсах и футболке с надписью «Букканирз» с длинными рукавами улыбается, глядя сверху вниз на тянущую его за руку маленькую девочку. Она прелестна, выющиеся светлые волосы заплетены в косички, на голове блестящая розовая диадема. Вокруг голубых глаз – маска из красной ткани, а поверх костюма черепашки-ниндзя Рафаэля – шутка в честь Рафи, лучшего друга Брэна – блестящая розовая пачка. В ее другой ручке – наволочка с изображением Чудо-Женщины, на дне которой, судя по выпуклостям, полно конфет.

Фейт Эддисон.

Она улыбается брату; два нижних зуба посередине отсутствуют или только начали расти. А Брэн, который даже на отдыхе имеет хмурый вид, выглядит таким размягченным, очарованным и довольным – видеть это почти болезненно. Не то чтобы он больше никогда так не выглядит. Не то чтобы больше не испытывает такую привязанность и мягкость по отношению к любимым. Просто теперь подобное можно наблюдать очень редко – так тщательно он охраняет свои чувства.

Брэн держит эти фотографии здесь, на своем столе, потому что они напоминают ему, зачем он занимается мучительной и тяжелой работой. Чтобы, хочется надеяться, ни одной семье не пришлось, как Прие и Дешани, ждать пять лет, чтобы узнать, кто убил их сестру и дочь. Чтобы, хочется надеяться, ни одной семье не пришлось жить двадцать пять лет, не зная, что случилось с их ребенком.

Как пришлось и еще придется Эддисонам.

Для человека, в репертуаре которого более шестидесяти различных способов нахмуриться, жизнь Брэна Эддисона на удивление полна надежды.

Я дотрагиваюсь до края рамки фото с Фейт – этой прекрасной счастливой девочки со светлыми волосами и голубыми глазами. Затем потягиваюсь напоследок еще разок и иду обратно в конференц-зал – искать другую пропавшую девочку.

* * *

Брэндон Эддисон стоял внизу у лестницы, свесившись через перила так сильно, что казалось, будто он без костей – так умеют только мальчишки-подростки.

– Фейт! – крикнул он в сторону второго этажа уже не в первый раз. – Lista?³⁰

– Почти все, – прокричала в ответ его младшая сестра.

³⁰ Готова? (исп.)

– Ты это говорила десять минут назад!

– Почти все!

– Тебе чем-то помочь?

– Я просто... пытаюсь... – Слова сменились напряженным пыхтением, которое было слышно даже внизу. – Эта пачка не хочет нормально сидеть!

– ...пачка?

Брэндон почесал в затылке, пальцы ненадолго запутались в кудрях.

– Не знал, что черепашки-ниндзя носят пачки, – произнес он наконец.

– Носят, если они принцессы-балерины!

Небольшой шоколадный батончик ударил его по затылку. Обернувшись, Брэндон увидел стоящую у входной двери мать с миской конфет в руке и угрожающим выражением глаз.

– Я даже ничего не сказал! – запротестовал он.

– Сыночек, не дразни ее по этому поводу. В противном случае, как любящая мать, я буду вынуждена достать фото трансформера-ковбоя Шмеля.

Брэндон покраснел и повернулся обратно к лестнице:

– Фейт, спускайся, давай я помогу тебе с пачкой. Нас ждут остальные.

Через мгновение ему пришлось прикусить изнутри щеку, чтобы удержаться от смеха: его младшая сестра, ворча, спускалась по лестнице. Кудрявые косички подпрыгивали на плечах при каждом шаге. Костюм черепашки-супергероя Рафаэля на ней был знаком брату: Фейт обожала Рафи, лучшего друга Брэндона. Костюм дополняли красная маска и торчащие из-под пластиково-тканевого панциря два пластиковых кинжала. Между косичками нахлобучена блестящая розовая диадема, а еще более блестящая розовая балетная пачка постоянно сползала с талии, несмотря на все усилия девочки удерживать ее на месте.

Брэндон подтянул опоясывающую пачку ленту и прижал к животу сестры.

– Вот, держи так, – велел он. Фейт крепко обхватила живот; наволочка с изображением Чудо-Женщины свисала из одной руки. Брэн присел на корточки позади сестры, поправил пачку и завязал пояс за спиной. Удерживая ленту одной рукой, вытащил из подола своей футболки с длинными рукавами булавку и закрепил пояс.

– Подпрыгни дважды, – попросил он.

Сестра тут же послушалась. Хоть пачка и подпрыгнула вместе с ней, но не соскользнула с девочки, и булавка не выскочила.

– Вот так. Теперь ты готова?

– Lista! – закричала Фейт.

Мать поцеловала детей в щеку, и они вышли из дома.

– Не забывайте правила, – сказала женщина строго. – Фейт, вы с девочками слушайте Брэндона. Если он скажет вам что-то сделать или что пора домой, не спорьте.

– Да, мама.

– Развлекайтесь.

Брэндон повел скачущую и пляшущую сестренку по улице к стоящему через два дома жилищу ее лучшей подруги Лисси. Две другие принцессы-балерины-черепашки-ниндзя-супергероини с нетерпением ждали Фейт на крыльце. Лисси удалось раздобыть сиреневую пачку и диадему под цвет фиолетовой маски Донателло, а Аманда нашла наряд бледно-оранжевого оттенка для Микеланджело. Увы, Стэнзи – их Леонардо – сидела дома с ветрянкой.

– Брэндон поправил мою пачку, – объявила Фейт, запрыгнув на крыльцо. – Он может починить и ваши, если нужно.

Тут же две пары глаз уставились на него умоляющими взглядами. Мать Лисси рассмеялась:

– У тебя булавок хватит?

Он задрал подол футболки, демонстрируя ей ряды булавок, которые приколот туда полчаса назад, и женищина снова рассмеялась. Приводя в порядок юбки Лисси и Аманды, Брэн слушал, как девочки планируют маршрут, словно заправские военные стратеги.

– Listas? – спросил он, закончив.

– Listas! – воскликнули в ответ подружки.

Для начала он привел их к соседнему дому, у которого не было крыльца. Поэтому Брэндон остановился в ожидании посередине подъездной дорожки и наблюдал, как девочки доскакали до двери и позвонили.

– Сладость или гадость, миссис Зафрон! – хором воскликнули они.

– О боже мой, какие вы все храбрые, – поприветствовала их с улыбкой хозяйка. – Что ж, вот вам угощение. И, Фейт, возьми пару конфет для брата. Ему нужны силы, чтобы всю ночь гоняться за супергероями.

– Gracias!³¹

Когда Фейт протянула Брэну предназначенную ему конфету, тот сунул ее в плюшевую сумку «Краун Роял», которую дал ему отец для игральных фишек и дисков. У мамы было правило: конфеты нельзя есть, пока она их не проверит. Как думал Брэн, это в основном чтобы она знала, сколько у них конфет и не попытаются ли они припрятать лишние. Он повел девочек дальше.

– Сладость или гадость, мистер Дэвис!

– Сладость или гадость, мистер Сильвера!

– Сладость или гадость, миссис Чапел!

Они «обработали» большую часть домов в своем квартале, когда сторож-Брэн сделал первое предупреждение.

– У вас осталось сорок пять минут, – сообщил он. – Мы можем обойти еще улицу или, может, две, но потом придется вернуться.

– Мы можем вернуться прямо сейчас? – спросила Фейт.

– Совсем необязательно, Фейт. В запасе еще почти час, прежде чем, как сказала мама, пора домой.

– Я знаю, но мы можем вернуться прямо сейчас?

Брэн посмотрел на Лисси и Аманду. Обе энергично кивнули.

– Ау, vamos³², – согласился он, пожимая плечами.

Однако они не вернулись к Эддисонам и не пошли к Лисси или Аманде, а направились к Стэнзи и позвонили. Ее мать открыла дверь и впустила их с широкой улыбкой на лице.

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Наверху хорошо слышно, что говорят здесь. Hola³³, Брэндон.

Она чмокнула его в щеку и закрыла за детьми дверь.

– Что тут происходит? – спросил Брэндон шепотом. – Девочкам пришла на ум какая-то идея.

Исходя из его опыта, предложение «девочкам пришла на ум какая-то идея» не внушало уверенности.

Девочки прошли в гостиную и помахали рукой отцу Стэнзи. Тот сидел на полу, считая бумажные тарелки. Он ничего не ответил, потому что его зычный голос звучал бы громко, даже говори он шепотом, но улыбнулся и широко раскинул руки над тарелками. Девочки присели рядом на корточки – сидеть нормально они не могли из-за панцирей – и вывалили содержимое наволочек. Перед ними образовались горы конфет.

---

³¹ Спасибо! (исп.)

³² Ну, пошли (исп.).

³³ Привет (исп.).

Брэндон смотрел, как они перебирают свои конфеты, выбирая любимые лакомства Стэнзи и распределяя их по тарелкам. Он знал, что больше всего девочка обожает «Сикслетс», и Фейт, и Аманда высыпали в тарелки все сладости этого сорта. Лисси вздохнула – она тоже их обождала, но последовала примеру подруг.

Фейт отделила чуть больше половины «Сикслетс» для Лисси и придвинула обратно к ней.

– Или счастливы все, или не счастлив никто, – сказала девочка настолько твердо, насколько возможно произнести шепотом.

Лисси в ответ просияла и высыпала в тарелки все свои минни-сникерсы.

Через несколько минут Брэндон взял у Фейт тарелку конфет и позволил сестре вытолкать его через нижний этаж на кухню. Прошло почти десять минут, прежде чем он снова увидел девочек. На этот раз с ними был Леонардо: его синяя маска скрывала алые отметины ветрянки на лице. Глаза девочки, как он заметил, были влажными от слез, однако она улыбалась так широко, что щеки, должно быть, болели.

– Сладость или гадость, Брэндон! – на одном дыхании выпалила Стэнзи.

Он посмотрел в тарелку.

– Знаешь, у меня, кажется, есть немного сладостей, но они только для принцесс-балерин-черепашек-ниндзя.

– Я и есть принцесса-балерина-черепашка-ниндзя!

Брэндон постучал пальцем по синей диадеме Лисси, глядя, как пачка трепыхается вокруг возбужденной девочки.

– Действительно... Что ж, вот.

Он вывалил содержимое тарелки в ее наволочку. Подружки, стоящие позади двери, ведущей в гостиную, хихикали.

– Погоди-ка, кажется... У меня...

Брэн открыл свою сумку «Краун Роял» и сунул руку внутрь. У него было гораздо меньше конфет, чем у девочек – он ходил с ними не за этим, – но достаточно, чтобы пришлось рыться в них.

– Вот.

Скрытые маской глаза Стэнзи округлились при виде вытасценных трех упаковок «Сикслетс», которые ему подарили этой ночью.

– Серьезно?

Он бросил их ей в наволочку.

– Серьезно.

Девочка обняла его обеими руками. Через секунду вокруг столпились все четыре подруги, смеясь прямо ему в уши и стараясь не ушибить друг друга панцирями, диадемами и игрушечным оружием.

Стоящая в дверном проеме мать Стэнзи усмехнулась и сделала фото.

Фейт со счастливым вздохом уткнулась головой в шею брата; ее диадема запуталась в его темных кудрях.

– Это лучший Хеллоуин в моей жизни, – пробормотала она.

– Подожди до следующего года, – сказал ей брат. – Быть может, он окажется еще лучше.

Девочки переглянулись.

– У меня есть идеи для костюмов! – воскликнула Фейт. Все четверо снова захихикали.

Глава 8

В пять сорок три Ивонн выбегает из дверей, зажав сотовый между ухом и плечом, рассыпаясь в извинениях перед мужем и клянясь, что она уже едет на бейсбольный матч сына. Гала задерживается до семи, после чего ей приходится ехать обратно к чувствующему головокружение после наркоза жениху, чтобы его друг мог уйти на работу. Мы с Эддисоном воспринимаем это как приглашение поужинать вдвоем – да будет благословенна служба доставки и тайская кухня. Но в девять тридцать уходит и он, когда звонит Мерседес и объясняет, что каким-то образом умудрилась оставить ключи в машине Уоттс; не будет ли он так любезен прийти и впустить Мерседес и Касс в коттедж?

– Идешь? – спрашивает Брэн, натягивая куртку.

Я качаю головой.

– Скоро. Только хочу сделать еще пару вещей перед уходом.

– Обещаешь не задерживаться надолго?

Я улыбаюсь ему.

– У меня есть шорт-лист схожих – вероятно, схожих – дел из базы ФБР. Собираюсь промаркировать их и перенести в отдельные файлы, чтобы зарыться в них с утра.

– Только ненадолго.

– Да, ненадолго.

Брэн быстро целует меня и уходит. Через несколько минут у меня происходит почти такая же беседа с Мерседес через текстовые сообщения.

Открываю историю чата с Касс, вижу «пузырик», свидетельствующий, что она что-то набирает, и быстро пишу ей: «Даже не начинай». В ответ получаю ухмыляющийся смайлик.

На этаже тихо, пусто. Если честно, это нервирует. Раньше, когда я задерживалась здесь после рабочего дня, то каждый раз была со своей командой. Присоединяю свой «Айпэд» к динамикам на столе и включаю плей-лист – песни в исполнении капеллы. Знакомые звуки пения на иврите вызывают в памяти мой тур «по праву рождения»³⁴, совершенный с лучшей подругой Широю. Мы обе наслаждались музыкой и едой, какой не встретишь у родителей. В плей-листе есть и псалмы, и поп-музыка, и переводы кавер-версий – причудливая эклектическая смесь, которая полностью устраивала нас в девятнадцать лет и устраивает меня до сих пор. Шира теперь редко слышит что-то кроме счета, алфавита и скрипа автобусных колес.

Анализ, которым мы занимались весь день, ценен, но имеет один вопиющий недостаток: это попытка сложить узор на основе единственной, по сути, крупницы информации. Исчезновение Бруклин случилось не на волне похищений. Оно не имеет сходства с делом, которое мы уже расследовали. Работая вслепую, без понятия, одиночный это случай или часть серии, мы вынуждены рассматривать обе возможности, в обоих случаях не имея достаточно информации.

На этом этапе база ФБР – бесценный источник. В ней собрана специфическая информация по преступлениям насильственного характера, как закрытым, так и открытым делам, с подробностями по каждому. Она помогает связать происходящие по всей стране преступления в одну серию, что раньше было практически нереально.

Это означает, что я могу отыскать случаи похищений/убийств девочек в возрасте от семи до десяти, а затем выделить в отдельный список белых блондинок. Если похищение Бруклин произошло по причине предпочтений – потому что похититель предпочитает жертв определенного типажа, – то внешность ребенка имеет огромное значение. Поскольку Бруклин блондинка, тогда и другие жертвы, если они есть, скорее всего, окажутся блондинками. К тому же у преступников с предпочтениями обычно небольшой возрастной разброс жертв.

---

³⁴ Бесплатный десятидневный тур в Израиль для людей с еврейскими корнями.

Случаев похищений или убийств маленьких светловолосых девочек очень много.
Очень, очень много.

Некоторые связаны с фетишами, некоторые – с торговлей людьми, но их количество поражает. А главная неожиданность в том, что нельзя сказать, что белые девочки-блондинки в целом уязвимее. Они более уязвимы, чем одни, и менее уязвимы, чем другие. Просто угроза всегда сохраняется.

Как-то раз я приехала домой из колледжа на весенние каникулы, и мы с отцом отправились в кино. Когда вышли на улицу, уже стемнело, а рядом с кинотеатром находилась большая, плохо освещенная стоянка. Тогда он впервые заметил, как я несла ключи: зажав между пальцами, чтобы нанести тому, кто попытается меня схватить, как можно более болезненный удар. Аба расспрашивал меня об этом, когда мы ужинали молочными коктейлями и картошкой фри под яркими, вызывающими головную боль люминесцентными лампами закусочной. И я рассказала о множестве мер предосторожности, которые предпринимает каждая оказавшаяся в одиночестве девушка или женщина.

Отец был сбит с толку.

Не то чтобы он мне не поверил – просто представить не мог, насколько осторожной приходится быть в повседневной жизни. Не мог понять, что это не имеет никакого отношения к тому, где ты находишься, благополучен ли район – просто это разумно, если ты женщина и идешь одна.

Когда похищают ребенка, люди стенают и кивают на безопасные районы, как будто это могло защитить его. Как будто достаточно одних только денег, чтобы ребенок находился в безопасности.

Множество девочек из списка жили в безопасных районах. Бруклин Мерсер живет в безопасном районе.

Продолжаю сортировать список, деля файлы по блондинкам на три группы: закрытые дела, нераскрытые с найденными девочками и с пропавшими без вести. Все закрытые по состоянию на прошлый год можно сразу отбросить: преступники или в тюрьме, или под стражей в ожидании суда. Неважно, что стало с этими девочками, нашли их живыми или мертвыми – я это не читаю. Не стану сейчас читать. Тех, кто причинил им боль, нашли и арестовали, а у моей готовности мучить себя чтением, чтобы посочувствовать жертвам, есть пределы.

Девочки из нераскрытых дел делятся на две категории: живые и мертвые. Второй список гораздо длиннее первого. Как правило, мы находим ребенка потому, что находим похитителей. Они приводят нас к нему. Редко, но бывает наоборот. Если ребенка продали или обменяли в рамках торговли людьми или сообщества педофилов, жертв могут обнаружить в руках не изначального похитителя в ходе операции по разгону шайки. Изредка ребенка находят блуждающим где-нибудь: его выбросили или он сбежал и понятия не имеет, как далеко отсюда до места, где его держал похититель. Но это редкость. Все, кто именно что похищает чужого ребенка, а не растлевают знакомого, обычно слишком боятся, что их поймают, если они оставят жертву в живых. Как правило, целью похищения является насилие, а убийство становится мерой предосторожности. Бывают исключения: к примеру, когда ребенка похищают взамен своего собственного, утраченного, или чтобы отомстить родителям, или ради выкупа. Однако, повторяю, мы почти всегда находим жертву, найдя похитителя.

Как не раз замечала Шира, с тех пор как я поступила на службу в ФБР, веселья на вечеринках от меня почти не дождешься. Зато во время викторин все хотят оказаться со мной в одной команде.

Вторая половина списка, посвященная тем, кого нашли мертвыми, а дела остались нераскрытыми, делится на несколько подкатегорий. Где их похитили, как долго не находили, каким образом убили... подвергались ли они насилию или нет. Где и как нашли. Подробности, от которых я задаюсь вопросом, почему мои глаза не кровоточат. Бруклин пропала по пути из

школы, так что похищенных из дома можно исключить из списка. Похитить, потому что под-вернулась возможность, даже если преступник следил за жертвой, и вломиться в чужой дом – совсем разные вещи. Отсутствующие в течение всего одного-двух дней помечаются звездочкой – с Бруклин мы уже перешли эту черту. Если обнаружим ее завтра, то вернемся к этим делам.

Остается слишком много имен, а я даже не затронула третью из основных категорий – так и не найденных. Попытка распределить имена в той группе на какие-либо четкие подкатегории занимает еще больше времени, чем в других: здесь гораздо меньше информации, с которой можно работать. В сознании мелькают множество имен и фотографий.

– Стерлинг?

К некоторым файлам имеются примечания полиции или ФБР, указывающие, что в дальнейшем родители разошлись. Некоторые события так чудовищны, так болезненны, что браку трудно их выдержать. Порой остаться вместе помогают другие дети, порой супругам удается выстоять самим, но часто боль превращается в яд, и продолжать отношения они уже не в силах.

– Стерлинг...

Конечно, к этому моменту брак уже бывает шатким. Если так и не раскрытое исчезновение совпадает с разрывом отношений или официальным разводом родителей, стоит наречь побольше информации об отце и матери и их ближайших родственниках. Выяснить, не спрятал ли ребенка кто-то из них, чтобы оставить у себя и причинить боль без пяти минут бывшему/бывшей. Отчаяние, мелочность, одержимость, страх... все это может плохо отражаться на людях.

– ЭЛИЗА!

– Что? – огрызаюсь я, поворачиваясь на стуле и глядя на дверь.

Вот только вместе со мной вращается окружающий мир, и я, пошатнувшись, наклоняюсь вперед. Меня хватают за руки и плечи, не давая упасть на пол и усаживая обратно на сиденье, пока я не касаюсь спинки стула. Когда мир перестает вертеться, оказывается, что передо мной стоят с обеспокоенными лицами Мерседес и Касс.

– Вы вернулись? Я думала, Брэн встретит вас возле Дома.

– Вернулись... – Мерседес прислоняется к краю стола, почти садится, и щиплет себе переносицу. – Элиза, во сколько ты пришла сегодня утром?

– Гм... ты же видела меня утром.

– Значит, просидела тут всю ночь?

Вижу, как чьи-то головы просовываются в конференц-зал в поисках источника звука.

Мое лицо, кажется, пылает.

– Гм... Сколько сейчас?

– Очевидно, восемь утра следующего дня.

Касс чихает от смеха и, когда я впииваюсь в нее взглядом, беззастенчиво пожимает плечами.

Мерседес, качая головой и бормоча под нос ругательства на испанском – слишком быстро, чтобы расслышать их, – выходит из двери и упирает кулаки в бедра, оглядывая помещение. Не считая тех, кому, собственно, положено работать в эти выходные, воскресные утра пользуются популярностью среди адептов Церкви Бумажной Работы.

– Никто из вас, случайно, не кормил Стерлинг прошлым вечером?

В разгар хихиканья только что вошедшая Уоттс тычет пальцем в сторону Мерседес:

– Рамирес, я же говорила тебе: если заводишь питомца, приходится самой кормить его и выгуливать.

– Я охотно прогуляюсь с ней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.